

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Л.Р.Абдулхакова

Из истории русского деепричастия

Учебное пособие для студентов
филологического факультета

Казань – 2007

УДК 811.161.1'36(09)
ББК Ш141.12-21

Печатается по решению
редакционно-издательского совета филологического
факультета
Казанского государственного университета

Рекомендовано
кафедрой истории русского языка и языкознания
Казанского государственного университета

Рецензенты
проф. Г.А.Николаев (КГУ),
доц. Т.П.Зайконова (ТГГПУ)

Абдулхакова Л.Р.

Из истории русского деепричастия: Учеб.пособие для
студентов филологического факультета / Казан. гос. ун-т.
Филол. фак-т. Каф. истории русского языка и языкознания. –
Казань: Казан. гос.ун-т, 2007. – 40 с.

© Филологический факультет
Казанского государственного
университета, 2007

Введение

Определяя основные направления исследований в области исторической морфологии русского языка, В.В.Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического употребления... нам вовсе не известны» [Виноградов 1978, 171].

В отношении деепричастия существуют различные, порой весьма противоречивые мнения, касающиеся разных аспектов как его истории, так и современного состояния. Прежде всего нет единства в определении его грамматического статуса, причем такая ситуация имеет давнюю традицию, начиная от «Российской грамматики» М.В.Ломоносова, в которой причастия и деепричастия объединены в одну категорию, до современного русского языка. Так, Д.Н.Овсянко-Куликовский выделял деепричастие в отдельную часть речи [Овсянко-Куликовский 1912]; В.А.Богородицкий относил его к наречию [Богородицкий 1935]; А.М.Пешковский рассматривал как смешанную часть речи [Пешковский 2001], что сходно с точкой зрения В.В.Виноградова, который назвал деепричастие гибридной наречно-глагольной категорией [Виноградов 1972].

Определение места деепричастия в грамматической системе русского языка, которое дают современные ученые, делит их на два противоположных лагеря. Наиболее распространенной, получившей отражение в Русской грамматике стала точка зрения, согласно которой деепричастие является *формой* глагола [Русская грамматика 1980]. Однако эта *форма* также определяется по-разному. В грамматических трудах середины XX в. она называется *неспрягаемой* [Гвоздев 1958, Грамматика русского языка 1953], позже – *неличной* [Зализняк 1980; Милославский 1981], *атрибутивной* [Русская грамматика 1980]. Между тем в

«Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» деепричастие предлагалось рассматривать в качестве отдельной части речи [Основы 1966, 106]. Это мнение, хотя и с оговорками, поддерживают и другие ученые [Шанский, Тихонов 1981].

Нет единства среди ученых и по вопросу об определении морфологических признаков деепричастия. Здесь также можно выделить две группы мнений. Большинство лингвистов считает, что деепричастия обладают категорией *вида* [Виноградов 1972; Грамматика русского языка 1953; Милославский 1981; Шанский, Тихонов 1981; Русская грамматика 1980 и др.]. Причем вид деепричастия соответствует виду глагола, от которого это деепричастие образовано. Однако при этом в ряде случаев возможно появление синонимичных (=вариантных) форм, что связано с допустимостью использования разных суффиксов, обслуживающих деепричастия разных видов, при одной и той же глагольной основе (ср.: *увидя – увидев, принеся – принесши* и др.).

В некоторых работах говорится о наличии у деепричастия категории *времени* (Чернышев 1915; Борковский 1949; Ломтев 1961; Зализняк 1980 и др.). В этом случае выделяются деепричастия настоящего времени, которые образуются от глаголов несовершенного вида (НВ), и деепричастия прошедшего времени, образованные от глаголов совершенного вида (СВ), а также возможные от глаголов НВ.

Подобное выделение разных категорий деепричастия связано с его происхождением и последующим развитием. Сложившиеся на основе действительных причастий настоящего и прошедшего *времени*, которые в синтаксическом плане тяготели к имени существительному, деепричастия постепенно сближаются с глаголом в своем синтаксическом употреблении. Способы их образования также приобретают более четкую зависимость от *вида* производящего глагола.

Указание на категорию времени в деепричастии может быть связано и со спецификой значений, которые выражают деепричастия, выступающие в предложении в качестве второстепенного сказуемого. Это значение предшествования основному действию или одновременности с ним.

1. История формирования деепричастия в русском языке по литературным данным

Как известно, деепричастие сформировалось на основе именных (кратких, нечленных) действительных причастий праславянского языка. Отдельные разряды деепричастий при этом возводятся к формам именительного падежа разных родов – мужского или женского.

Образованиями, связанными с мужским родом, безоговорочно признаются формы с суффиксами *-а* и *-в*, тогда как по поводу форм с суффиксами *-ши*, *-вши* и *-учи(-ачи)* высказываются различные мнения. Традиционно они рассматриваются как восходящие к причастным формам им.п.ед.ч. женского рода [Потебня 1958; Обнорский 1953; Иванов 1983; Колесов 2005 и др.]. В настоящее время кажется более убедительным мнение о связи деепричастных форм на *-и* с бывшей формой им.мн.муж.рода [Кудрявский 1916; Шахматов 1941 (б); Кузьмина и Немченко 1982; Шульга 2000; Марков 2001 и др.].

Вопрос о времени возникновения деепричастия в русском языке также является одним из дискуссионных. Хронология этого процесса определяется учеными неоднозначно. При этом разные мнения существуют как по поводу времени начала перехода причастий в деепричастия, так и по поводу завершения этих преобразований. Первыми приметями, свидетельствующими о начале процесса формирования деепричастия, большинство ученых довольно

единодушно считает случаи нарушения согласования форм древнего причастия с именем существительным. Обособление отдельных форм парадигмы началось со случаев нарушения согласования причастия и существительного в роде и числе. Подобные случаи фиксируются уже в древнейших русских памятниках XI-XIII вв.

Ранние случаи нарушения согласования причастий в разных по жанру древнерусских памятниках отмечали А.Х.Востоков [Востоков 1838], П.А.Лавровский [Лавровский 1852], И.В.Ягич [Ягич 1889], А.А.Шахматов [Шахматов 1903]; А.И.Соболевский [Соболевский 1907], С.П.Обнорский [Обнорский 1912]; Н.Н.Дурново [Дурново 1924] и др.

Наиболее определенно пишет о времени появления деепричастия А.А.Потебня: «Еще довольно трудно в точности определить, как продолжителен период... образования деепричастий. Кажется несомненным, что в конце XIV в. причастия действительные аппозитивные были уже только в книжном языке, и деепричастие, как вполне определившаяся часть речи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чем от нынешнего» [Потебня 1958, 186].

Созвучно этому мнению и высказывание С.П.Обнорского: «Трудно установить эпоху окончательного сложения в языке категории деепричастия. Но можно думать, что явление это очень древнее: «Русская правда», оригинальный русский памятник, не знает вовсе употребления причастий как таковых (в склоняемой их форме), но дает многие примеры употребления причастий лишь в форме им.пад. ед. и мн.ч., притом в функции уже не причастной» [Обнорский 1953, 213].

Обобщая разные позиции по вопросу о времени становления деепричастия, В.В.Колесов отмечает: «Формирование деепричастий, по согласному мнению историков, происходило в XIII-XIV вв., к концу XIV в. уже завершилось как образование категории, но еще долго вырабатывало универсальные формы своего выражения» [Колесов 2005, 603].

Однако мнение исследователей относительно завершения этого процесса сложно назвать единодушным. Так, Б.В.Кунавин считает временем активного формирования деепричастия период XIV-XV вв. [Кунавин 1993]. Л.Е.Лопатина указывает, что в XV в. «процесс выбора одной из причастных форм, закрепления ее в качестве новой морфологической категории – деепричастия – еще только начинается» [Лопатина 1978, 107]. Деепричастие как отдельную глагольную категорию в русской письменности второй половины XVI в. рассматривает С.Д.Никифоров, даже формы типа *погубль* называя «старославянскими формами деепричастия» [Никифоров 1952, 273]. О деепричастном употреблении кратких причастий действительного залога в языке деловых памятников XVI в. пишет и М.А.Соколова [Соколова 1957]. Вместе с тем большинство исследователей связывает завершение процесса формирования деепричастия с XVII в. [Кудрявский 1916; Коротаяева 1959; Спринчак 1965; Стеценко 1978; Котков 1974; Припадчев 1978; Агафонова 1981 и др.]. Высказываются мнения о том, что и в XVII в. этот процесс еще не был окончательно завершён [Голубева 1952; Зевакова 1954].

З.Д.Попова и Н.Н.Запольская вообще считают временем формирования деепричастия XVIII в. [Попова 1974; Запольская 1985].

К числу примет, безусловно свидетельствующих о начавшихся изменениях кратких причастных форм, все авторы относят нарушения в согласовании между причастием и существительным. При этом речь, как правило, идет о форме именительного падежа, а нарушения касаются рода и числа. Поскольку подобные примеры встречаются уже в памятниках русской письменности старшего периода, это служит основанием для достаточно ранней датировки времени появления деепричастия как неизменяемой, а следовательно, и не согласуемой с именем формы. Однако подобные случаи в количественном отношении далеко

уступают случаям с сохраняющимся согласованием имени существительного и причастной формы. Вместе с тем есть основания считать такое согласование 'кажущимся', не истинным для большого числа примеров, поскольку в качестве субъекта действия в предложении в древнерусских текстах значительно преобладают имена существительные мужского рода ед. и мн. числа (ср., наблюдения Е.С.Истриной [Истрина 1923, 92]).

Еще одним, более существенным и основательным, критерием выделения деепричастия в качестве самостоятельной грамматической категории является грамматическое значение и синтаксические функции рассматриваемых форм.

Указание на изменение синтаксических функций именного действительного причастия как причину возникновения деепричастий находим в работах многих ученых. Однако при этом выявление и определение этих функций, а, главное, их оценка могут существенно различаться. Дискуссии в основном связаны с выяснением того, какую роль в становлении деепричастия играли предикативная функция, а также выражение обстоятельственных значений.

Не подвергается сомнению то, что в современном русском языке «деепричастие означает такое действие или состояние названного в подлежащем субъекта, которое сопутствует действию или состоянию, названному в сказуемом, либо в том или ином отношении характеризует это действие» [Русская грамматика 1980, II-181]. Об употреблении современного деепричастия в качестве второстепенного сказуемого, а также о его способности одновременно указывать на те или иные обстоятельства совершения основного действия пишут многие исследователи [Браве 1940; Валимова 1940; Васева-Кадынкова 1961; Виноградов 1972; Стеценко 1978 и др.].

Несколько шире оценивал предикативные возможности деепричастия А.А.Шахматов, привлекающий к его

характеристике и диалектные данные: «Настоящим деепричастием называем только такое деепричастие, которое употребляется в форме второстепенного или (диалектно) также и главного сказуемого» [Шахматов 1941, 84-85].

Однако роль предикативности оценивается по-разному, когда речь заходит об истории этих форм. Если для А.А.Шахматова переход причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности, он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое» [Шахматов 1941, 45], то Б.В.Кунавин, напротив, считает, что «краткие действительные причастия, наоборот, на пути своего перехода в деепричастия ослабляли свои предикативные свойства» [Кунавин 1993, 24].

На ослабление предикативной роли причастия в процессе его перехода в деепричастие указывали М.Г.Шатух [Шатух 1959], Л.К.Дмитриева [Дмитриева 1975], Я.А.Спринчак [Спринчак 1965], Т.И.Агафонова [Агафонова 1981] и др. Еще более определенно высказывается В.Л.Георгиева: «Предикативная функция действительных причастий в ходе истории русского языка была совсем утрачена» [Георгиева 1968, 43].

Об использовании уже кратких действительных причастий в функции второстепенного сказуемого в русских памятниках разных исторических периодов писали А.А.Потебня [Потебня 1958], Е.С.Истрина [Истрина 1923], В.Л.Георгиева [Георгиева 1962]; Л.Е.Лопатина [Лопатина 1978], И.Н.Лекарева [Лекарева 1996] и др. Многофункциональность именного действительного причастия отмечает В.В.Бенке, считая определяющим предикативное употребление в функции второстепенного сказуемого [Бенке 1981].

Развитие функции второстепенного сказуемого как свидетельство формирования деепричастия рассматривают С.Д.Никифоров [Никифоров 1952], Л.А.Широкова [Широкова 1968], А.А.Припадчев [Припадчев 1978] и др.

Подобная пестрота мнений, как кажется, может быть связана с разным содержанием, которое вкладывается учеными в понятие “предикативность”. В одних случаях “предикативность” понимается как способность той или иной формы выступать в предложении в качестве самостоятельного или однородного сказуемого. В других работах “предикативность” рассматривается гораздо шире. Например, Т.П.Ломтев включает в это понятие, как А.А.Шахматов, и значение второстепенного сказуемого: «Факт видоизменения причастий в деепричастия не может быть понят как результат сосредоточения предикативности в глаголе, ибо деепричастия не потеряли способность выступать в функции сказуемого, а только специализировались на такой предикативной функции, которая отличается от предикативной функции глагола» [Ломтев 1956, 176].

Еще одним важным компонентом в определении деепричастия выступает способность к выражению различных обстоятельственных значений. И в этом случае среди исследователей нет единого мнения. Одни ученые считают, что деепричастие сформировалось благодаря появлению и развитию этого значения: «...именные действительные причастия, в силу развития у них обстоятельственного значения, постепенно приобретают неизменяемую форму – деепричастия и выступают в предложении в роли предикативного обстоятельства» [Стеценко 1978, 6]. С этим мнением не согласен Б.В.Кунавин, который считает, что деепричастия унаследовали функцию выражения обстоятельственных значений от причастий [Кунавин 1993]. Аналогичная точка зрения была высказана и Л.К.Дмитриевой [Дмитриева 1963].

Подводя некоторые итоги рассмотрения различных, часто противоположных, точек зрения на проблему происхождения деепричастия как самостоятельной грамматической категории, обладающей специфическими

морфологическими и синтаксическими свойствами, можно отметить следующее.

Анализируя конкретные ‘причастные’ образования, представленные в памятниках, относящихся к разным периодам истории русского языка, порой оказывается сложно установить, с чем именно мы сталкиваемся в том или ином случае. Критерии разграничения собственно ‘причастия’ и ‘не-причастия’, предлагаемые учеными, оказываются несовершенными, а иногда и очень субъективными. Возможность двоякого толкования одних и тех же форм авторы иногда вынуждены признавать и сами.

Продуктивной представляется в этом смысле позиция А.Г.Руднева, по мнению которого, нельзя опираться только на форму и считать, что одна и та же **форма** всегда включает в себе одно и то же **содержание** [Руднев 1955, 107]. А.А.Потебня отмечал: «Между причастием, вполне согласуемым со своим определяемым, с одной стороны, и деепричастием, вовсе не согласуемым и не имеющим непосредственной связи с именем, которое им определялось, когда оно было причастием, – с другой, можно заметить среднюю ступень. На ней отпричастное слово не может быть названо причастием, потому что уже лишено рода, числа и падежа, но не есть деепричастие в вышеупомянутом смысле, потому что стоит не при глаголе, а при своем подлежащем» [Потебня 1958, 200]. В.В.Бенке, исследуя состояние именных действительных причастий в древнерусском языке старшего периода, признает, что в рассматриваемую эпоху «краткое действительное причастие уже не существовало как грамматическая категория, определяющаяся целостностью формы и значения» [Бенке 1987, 171].

Таким образом, по-видимому, уже для древнерусского периода представляется возможным говорить о разграничении двух разных грамматических категорий – причастия и деепричастия, иногда представленных омонимичными формами. В этом случае речь идет, прежде всего, об именных (кратких, нечленных) формах древнего

причастия. Одинаковые по оформлению образования в зависимости от контекстуальных условий и синтаксических особенностей употребления могут быть либо причастием, либо деепричастием.

2. Деепричастные формы в древнерусском языке

2.1. Именные и местоименные формы причастий в языке «Жития Феодосия Печерского»

Формирование новой грамматической категории – деепричастия – шло в рамках все более углубляющегося противопоставления именных и местоименных форм старого причастия, во-первых; утраты краткими формами согласования с именем и превращения их в неизменяемые, во-вторых; закрепления за краткими формами специфических синтаксических функций выражения предикативных отношений и обстоятельственных значений – в-третьих.

На материале памятников древнерусского периода (XI–XIV вв.) хорошо прослеживаются многие специфические особенности, характерные для раннего этапа развития деепричастий, когда омонимия кратких причастных и деепричастных форм была еще достаточно ярко выражена. Активность подобных образований была очень высокой в русском языке XI–XVII вв. По данным И.Б.Кузьминой и Е.В.Немченко, на ≈ 59000 случаев употребления причастий приходится ≈ 45500 кратких и ≈ 13500 полных форм [Историческая грамматика 1982, 284]. В памятниках этого периода, в том числе в "Житии Феодосия Печерского" (XII в.) (далее – ЖФП) и летописях, нашла отражение развивающаяся между будущими новыми причастиями и деепричастиями грамматическая и синтаксическая дифференциация.

Именные формы действительных причастий в именительном падеже представлены в ЖФП широко и разнообразно. Подавляющее большинство из них согласовано с именем. Случаи нарушения также имеют место, однако встречаются крайне редко:

бѣша же и цркви твореще праздникъ въ тѣ днѣ (53 а) – м.р. вместо ж.р.; **таче по сихъ шедъшема има въ цркви. и сътворивъ млтвоу сѣдоста** . (41 а) – ед.ч. вместо дв.ч. и др.

Именные формы, как правило, являются второстепенными сказуемыми или имеют дополнительные обстоятельственные оттенки значения:

ти тако донесъше тѣло его положиша є въ монастыри (41 б); **и пригласивъ келара въпрашаше его** (51 г); **съ любѣвь имѣѡа** тако же рече сѡ не простоу къ дцю нашему ѡѡдосю. и часто **приходѡа** къ немѸ и **дховьныхъихъ тѣхъ словесъ насыщѡа сѡ ѿ него**. (53 в) и др.

Краткие причастия в форме им.п., выступающие как определения, в ЖФП представлены единичными примерами, ср.:

покаание бо есть поутъ приводѡа къ црствоу. -----
покаание есть поутъ въводѡа въ породу (39 в); **есть бо мала гора надълежащи надъ монастырьмъ тѣмъ**. (55 г).

Таким образом, ситуация, представленная в ЖФП для именных действительных причастий в форме им.п., совпадает с тем, что наблюдала Е.С.Истрина в Синодальном списке I Новгородской летописи: «...насколько действительные причастия в нечленной форме в имен. пад. в качестве второстепенного сказуемого являются употребительными в Синод. сп. и отражают явления живого народного языка, настолько в качестве определения они малочисленны и должны быть отнесены на счет литературного употребления» [Истрина 1923, 143].

Традиционно атрибутивная функция считается основной для полных причастий. Такие случаи представлены и в ЖФП:

присно бо вѣдѣка сѣзѣдавыи ны. прикладаеть слоуха своа на послоухание призывающимъ и въ истиноу (57 г);
 они же тако земля жажущица воды тако приимаахоу
 словеса его (39 г); бѣаше бо по истинѣ чловѣкъ бѣжи. свѣтило въ всѣмъ мирѣ видимое. и просиавъшее въ
 всѣмъ чьрноризьцемъ (42 а).

Все они характеризуются согласованием определения с определяемым словом.

Однако текстовые примеры из ЖФП свидетельствуют об общности не только атрибутивного, но и предикативного употребления именных и местоименных форм. Они позволяют проследить определенный параллелизм, который наблюдается в функционировании полных и кратких причастий. В условиях, которые А.А.Потебня описывает как наиболее характерные для кратких аппозитивных причастий [Потебня 1958], в ЖФП используются и членные формы. Это следующие случаи:

1. Употребление союзов между причастием и глагольным сказуемым:

.тѣгда хѣвъ воинъ ишедъ из домоу своего -----тако скоро тѣкыи и донде пещеры онога (35а); . и се вълезе свѣтъль отрокъ въ воинствѣ одени. и поклонивъ сѧ и ничьсо же рѣкыи и положивъ же на стѣлпѣ гривноу злата. (45а).

2. Употребление членных причастий в качестве единственного сказуемого при своем собственном подлежащем (т.н. "именительный самостоятельный" по А.А.Потебне):

.и се же паки инъ болгаринъ того же хѣлюбьца .
идыи нѣколи съ князьмъ своимъ хѣлюбьцемъ на ратьныа

(47 г); да азъ ти лагоу на возѣ ты же могыи на кони ѣхати (43б).

3. Участие полного причастия в качестве аппозитивного в составном приложении ("второй именительный"):

.лавль игоумень сын ѿ единого монастыра соущиухъ въ области его. (59 а), ср. также: бжствьнымъ варлаамъ игоумень сы братии въ пещерѣ (36 в).

4. Использование местоименных форм в предложениях без подлежащего, т.е. без определяемого слова, что было характерно для аппозитивных причастий:

Таче тако приде къ великоуоумоу феоодосию въ монастырь. имыи подъ пазоухою съкръвено стое еѿвнгане. (48 а); .сего ради окоусихъ сѧ съписати всѧ си таже о стѣмь. къ симъ же и блюдыи да не къ мнѣ речено боудеть. зълыи рабе лѣнивыи (26 г).

5. Употребление полного причастия настоящего времени от глагола *быти* в качестве связки в составном именном сказуемом, аналогичное функции личных форм глагола и кратких причастий:

ты по всѧ дни порозднь еси. азъ же троуднь сын (43 б); старецъ же сын простъ оумъмь. и не разоумѣвъ льсти еѧ (32 б), а также: .и ставъ на своемъ мѣстѣ непостоупнь сы. (36 в).

6. Полная форма причастия как именная часть составного сказуемого наряду с краткими формами:

бысть идын поутъмь (43 б), а также: и се по приключаю божию бѣша идуще поутъмь тѣ (31 а); пакость творяще бѣша (38 в).

Сходство значений, выражаемых полными и краткими формами, подтверждают случаи использования тех и других в идентичных контекстуальных условиях, ср.:

и прочиними троуды подвизѧ сѧ. дѣлаѧ по всѧ дни не дада роукама своимѧ ни ногама покоѧ (42 б) и: И тако прѣвывааше не дадын себѣ покоѧ бѣдѣннемь. и мѣтвами

въсѣми ношъными (57 б); ненавидѣ же испърва добра
 золодѣи врагъ. видѣ себе повѣжаема съмѣрениемъ
 бѣсловеснаго отрока. (29 б) и: Ненавидѣи же добра
 врагъ. иже и присно бореть сѧ съ рабы бѣжи. и не дастъ
 имъ тако мирно жити. (66 в).

Многие примеры допускают двоякое толкование – в них
 можно усмотреть как атрибутивные, так и предикативные
 отношения, например:

болгаринъ же идыи къ константиноу градуу. обрете
 островъ средѣ моря (35 б) ['идуший' и 'когда шел']; таче
 възърѣвъ на нѣо и великъмъ гласмъ лице весело имыи
 рече (64 а) ['имеющий' и 'имея'] и др.

Таким образом, можно говорить об определенном
 параллелизме, существующем в синтаксическом
 употреблении именных и местоименных причастных форм,
 который представляется вполне закономерным и
 свидетельствует, по-видимому, о том, что
 противопоставление разных образований на синтаксическом
 уровне происходило в результате длительной конкуренции и
 последующего распределения существующих возможностей
 между различными формами.

Направления развивающейся дифференциации между
 именными и местоименными образованиями и их
 специализация прослеживаются не только в именительном
 падеже, но и в формах косвенных падежей.

Членные формы действительных причастий, как
 правило, выполняют атрибутивную функцию и представлены
 очень разнообразно: они выступают в разных падежных
 формах; располагаются как перед определяемым словом, так
 и после него; могут быть нераспространенными или иметь
 зависимые слова, например:

Род.п.: слышахъ ѿ дрѣвннихъ мене ѿць.
бывъшихъ въ то врѣма (67 б);

Дат.п.: И сице съ миръмъ предасть въ роуцѣ дѣшю пришедъшимъ по нь анѣмъ (46 в); къ дѣтѣмъ играющимъ не приближаше сѧ (27 г);

Вин.п.: да въ ветъсѣи цѣкви по всѧ дѣни слоужба сѣга творить сѧ за оумирающею братню (66 б - 66 в);

Местн.п.: лѣпо бѣ не пещи сѧ ѡ приходящимъ дѣни. (52 а); Тѣгда же бо слышавъ о блѣженѣмъ антонии живоущимъ въ пещерѣ (31 б).

Распространенные причастия-атрибуты обычно находятся в постпозиции по отношению к определяемому слову, одиночные причастия чаще ему предшествуют. Атрибутивное употребление рассматриваемых образований довольно ярко демонстрирует их стилистически маркированный характер. В подавляющем большинстве случаев они выступают в качестве определений при именах существительных с сакральной семантикой: *бог* (бѧ главьшааго, бѧ давъшаго, бѧ спѣъшааго, бѧ творщааго и прославляющааго и др.), *господь* (гѧ рекъшааго), *ангел* (пришедъшимъ анѣмъ, ангеломъ гавльшимъ сѧ), *братия* (братни молитвы поущимъ, оусыпающею братню), *отцы церкви* (Ѡ дрѣввниихъ мене ѡць. бывъшихъ въ то врѣмѧ), а также – *мних* (бывающимъ мнихомъ), *бес* (живоущиихъ бѣсовъ) и при сравнении: ѧко Ѡблѡдивъшее сѧ овча.

Среди кратких причастий, которые выступают в ЖФП в формах косвенных падежей, заметно преобладают образования в дательном (дат.п.) и винительном (вин.п.) падежах.

Формы дат.п. в абсолютном большинстве случаев находятся в составе оборота дательный самостоятельный. Как известно, данная синтаксическая конструкция характеризовалась сильной предикативностью причастия и была сопоставима по значению с придаточным предложением. При этом субъект действия, как правило, был

выражен существительным или местоимением в дат.п., а само действие обозначено согласованной формой причастия.

В ЖФП в названных оборотах предпочтительнее краткая форма причастия:

и члѣвоу томоу тоуда въ ноци по. неи ѣдоущю и се видѣти томоу чюдо испълънь оужасти. (55 г); И тако же пришьдъши соуботѣ . и дѣни освитающѣ . посылвѣ блаженыи призѣва всю братию (63 б).

При этом примеры использования полных причастий также возможны, хотя и крайне редки:

сѣде же по воли ихъ и прошению всѣмъ творить. имъ же оупъвающимъ на нь. (57 г); .си же тако же разоумѣти есть аγγελомъ сице павльшимъ сѣ быти (56 г) и некоторые др.

Есть и случаи чередования в обороте полных и кратких форм, что, на наш взгляд, подтверждает взаимодействие разных образований в процессе развития дифференцирующих признаков, например:

.всакомоу же хотѣащю быти чьрноризноу и приходѣащемоу къ нему не ѿрѣвааше ни оубога ни богата. нь всѣа принимааше (37в).

Показателен в этом отношении следующий пример:

.тоже пекоущимъ готовашемъ и тѣсто мѣсащемъ. и паки имъ лѣющемъ оукропъ в не. и се обрѣте сѣ тоу жаба (52 г).

Здесь в обороте дательный самостоятельный вместо имени существительного присутствует субстантиват (пекоущимъ), выраженный членной формой, а указание на действие выполняют аппозитивные причастия в кратких формах (готовашемъ, мѣсащемъ, лѣющемъ).

Другую большую группу из форм косвенных падежей составляют краткие причастия в вин.п., которые относятся к прямому объекту, выраженному именем существительным или местоимением, при переходном глаголе. А.А.Потебня,

приводя примеры такого рода, пишет: «Винительный причастия в одних из нижеприведенных примеров есть с точки зрения позднейшего языка, очевидно, второй, или предикативный винительный; в других он может быть принят за простое определение или приложение; но отделение одних примеров от других затруднительно, так как древний язык не дает для этого никаких оснований» [Потебня 1958, 308]. Вместе с тем, прослеживая дальнейшую судьбу подобных конструкций, А.А.Потебня обращает внимание на следующее: «В позднейшем периоде славянского языка 2-й вин. причастия частью удерживается..., частью переходят в творительные падежи и деепричастия. Оба винительные могут заменяться придаточными предложениями; но особенно заслуживают внимания случаи, где предложение заменяет собою лишь 2-й винит. причастия, свидетельствуя этим о предикативности последнего» [Потебня 1958, 310-311].

Не вызывает никаких сомнений разный характер отношений, передаваемых следующими конструкциями. С одной стороны, это случаи типа:

и никто же его николи же видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаша ли водоу възливающа на тѣло. развѣ тѣкмо роуцѣ оумывающа (42 г); **слышашети и молаша сѧ и вельми плачюща сѧ** и главою часто о землю **виюща** (45 в); **аще быша ми вѣвѣстили ѿца възставъша ѿ мъртвыихъ** (60 а).

С другой стороны, примеры иного рода:

да бы шербѣлъ съпоутъники направляюща и на поутѣ (31 а); **повѣдивъ зълыга дѣхы. пакостьствоюща в области его** (54 в); **ѿпоустѣ га славаша и благодараша ба** (47 б) и под.

Различия между этими группами проявились впоследствии, в частности, в современном языке. Так, в первой группе возможна замена второго винительного изъяснительным придаточным предложением, в котором прямой объект становится субъектом, а действие, выраженное

причастием, передается личной формой глагола. Таким образом, предикативная функция древнерусской причастной формы со временем приобретает еще более определенное звучание: *'Видели, что (как) он лежит...'*; *'Слышали, что (как) он молится...'* Возможен и переход второго винительного в творительный падеж: *'Видели молящимся...'* и под.

Среди примеров первого типа встречаются лишь краткие формы, тогда как в случаях, которые можно отнести ко второму типу, представлены и полные причастия:

прославиша бѣ. творѣщааго чюдеса велика и прославляющааго мѣсто то. (56 г); **всегда поминающе о семь гѣ рѣкѣшааго.** аще кто не оставитъ оца и матере (39б).

Итак, для кратких причастий более предпочтительной оказывается предикативная функция, что отчетливо проявляется и в формах косвенных падежей, особенно дательного и винительного. Свидетельством их функциональной близости могут служить случаи взаимной мены названных форм в обороте дательный самостоятельный и втором винительном падеже. Например, вин. вместо дат.п.:

.ономоу же псалтырь оусты поюще тихо и роукама продоуца вълноу . или кое ино дѣло дѣлающа (44 г);
дат. вместо вин.п.:

видѣ блженаго Ѳеодосиа. палъкоу свою дающе емоу и глѣща. (66 а);

Одной из ярких синтаксических особенностей деепричастий, наряду с предикативной функцией, исследователи называют выражение ими разных обстоятельственных значений. Подобные случаи нашли отражение и в ЖФП. Это следующие значения:

– причины: **.ако нѣсть лѣпо намъ ни въ чемъ же ослоушати съ наставника игоумена своего. вѣдоуще тако аще чьто оутанмъ ѿ него. нъ ѿ бѣ нѣсть потаено ничьто же** (53 а);

– цели: тако повелѣ емоу ходити. блудоуши да не паки отъбѣжитъ отъ нея (29 а);

– условия: .како же мы оубѣжимъ моуки бесконьчныа. коньчавающе время житиа сего въ лѣности. а не имоуше покаганиа (39 в);

– образа действия: тѣмъ же и многоу пакость тоу творать въ немь. тако же не дадоуше томоу части (54 б); азъ шедъши и обрѣтъши та съвязана виюци приведоу въ сии градъ (30 а);

– времени: .и тоу обрѣтъ мѣсто чисто близъ града сѣде на немь. (35 б).

Таким образом, опираясь на материал одного из памятников русского языка старшего периода, можно сделать некоторые заключения относительно особенностей начального этапа формирования русского деепричастия. Для этого периода, по-видимому, уже нельзя говорить о древнем причастии как о единой грамматической категории. Представленное в ЖФП состояние свидетельствует о развитии специализации между краткими и полными формами старого причастия, причем это противопоставление проявлялось не только в именительном, но и в косвенных падежах, что позволяет говорить о роли всей парадигмы в процессе специализации форм и последующего становления категории деепричастия. Дифференциация форм была длительным процессом и нашла отражение на разных уровнях – как в семантике, так и в их грамматических свойствах и синтаксических функциях. Так, местоименные образования, с одной стороны, закреплялись в качестве субстантиватов, а с другой – играли роль атрибута и сохраняли способность к согласованию с определяемым именем. Что же касается именных форм, то они употреблялись преимущественно в предикативной функции и, тяготея к глаголу, утрачивали способность к согласованию, что нашло отражение и в ЖФП. Для древнерусского языка было характерно и выражение

деепричастиями разнообразных обстоятельственных значений.

Вместе с тем, для этого периода еще нельзя говорить о завершенности рассматриваемого процесса, о чем свидетельствуют случаи взаимной мены членных и нечленных форм в одинаковых синтаксических позициях. Однако незначительное количество таких замен может указывать на существенное продвижение в направлении выделения на основе древнего причастия двух самостоятельных грамматических категорий.

Что касается формальных показателей, которые постепенно приобретают деепричастия, то для древнерусского периода еще сложно говорить об определенных формантах, поскольку выделение деепричастия, по-видимому, начиналось с развития и углубления дифференциации между полными и краткими причастиями, прежде всего по их синтаксическим функциям. Закрепление за краткими формами способности выражать в той или иной степени предикативное значение, которое преимущественно ассоциировалось с формами именительного падежа, поначалу привело к многообразию формальных примет новой категории. Однако в последовавшие затем периоды истории деепричастия происходила выработка таких показателей, которая осуществлялась в процессе конкуренции между разными формами.

2.2. Деепричастные формы в русских летописях (XIV-XV вв.)

Русские летописи являются одним из важнейших источников изучения истории русского языка, в частности, изучения истории отдельных грамматических явлений. Летописный язык в основной своей части представляет собой своего рода центральную линию развития русского языка, свободную от колебаний как в область высокой книжно-

письменной традиции, так и в сторону разговорно-речевой стихии, характерную для делового стиля.

В результате сравнения одинаковых фрагментов, содержащих однородные лексико-грамматические конструкции, из двух разновременных летописных сводов можно выявить специфические особенности, позволяющие говорить о заметной самостоятельности деепричастных форм в русском языке XIV-XV веков. Несмотря на то, что Лаврентьевская летопись (ЛЛ) относится к концу древнерусского периода, а Московский летописный свод (МЛС) к начальному этапу становления русского национального языка, близость этих периодов в истории русского литературного языка несомненна.

В рассматриваемых летописях нашли отражение все те направления, по которым происходило развитие дифференциации собственно причастных (полных) форм и деепричастия. Речь идет как о синтаксических особенностях функционирования, так и о постепенной формальной стабилизации последних.

В большинстве случаев рассматриваемые образования, казалось бы, продолжают сохранять согласование с именами, свойственное причастиям. Однако примеры нарушения согласования, наблюдаемые не только в МЛС, но и в ЛЛ и других древнерусских памятниках, а также синтаксические условия употребления рассматриваемых форм и их функции в предложении заставляют видеть в них уже не причастия, а новую категорию – деепричастия.

О сдвигах, происходивших в употреблении форм, в ЛЛ и МЛС свидетельствуют:

а) использование форм, связанных по происхождению с мужским родом, при субъекте, выраженном женским родом:

Она же тако створи и въведе к себѣ сына своего Изяслава ... и повелѣ ему стати за собою, рек... (МЛС, л.35 об.);

б) использование форм, однозначно квалифицируемых как единственное число, вместо множественного:

се Половци пришедъ ѿ стока и оустремишас чересъ горы великия (ЛЛ, л.8 об.); вви бо попове вдиною женою. уженѣвъся служать (ЛЛ, л.40);

Половци же то слышавъ собрашася и изрядивше полкы своя поидоша к боеви (МЛС, л.29); бъяхутъ же ся изъ города крѣпко выходя (МЛС, л.76 об.);

в) использование форм на *-и* при субъекте в форме как единственного, так и множественного числа женского и мужского рода:

ѡвѣщавши Вльга. и рече къ сломъ (ЛЛ, л.18); и ступиша Половци воюючи (ЛЛ, л.72 об.);

и Боняк гна по нух в тыл сѣкучи нх (МЛС, л.24 об.); и устремишася по келиам, высѣкаючи двери (МЛС, л.16 об.);

г) использование форм на *-е* при субъекте в форме единственного и множественного числа женского и мужского рода:

повелѣ Вльга мовь створити ръкуще сице (ЛЛ, л.15 об.); постившеся Данилѣ видѣнья велика сподовиса (ЛЛ, л.62-62 об.); вни же шедше повѣдаше людемъ (ЛЛ, л.26 об.);

Василько же не хотяще, река (МЛС, л.20); Они же воротившеся поидоша противу ему исъполчившеся (МЛС, л.33 об.);

д) несогласованные формы при субъекте в двойственном числе, причем личная форма глагола в этих случаях сохраняет согласование:

и идаста видуче зарю великѣ (ЛЛ, л.70 об.); се слышавъ Володарь и Василко. поидоста противу вземше крѣсь (ЛЛ, л.90 об.);

В се же время выбѣгоста Ростиславичя два от Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка (МЛС, л.11); и града же вышедше два Ляха сѣкрыстася легше над ѳвозом на пути (МЛС, л.32 об.);

е) формы на *-е*, и на *-и* при собирательных существительных при глагольном сказуемом в форме единственного или множественного числа:

плакаху҃сѧ бра(т)я гѣще (ЛЛ, л.63 об.); всѧ бра(т)я имаху҃ в томь печаль велику҃. посылаючи по нь призываху҃ брата к монастырю (ЛЛ, л.63 об.);

а дружина его прѣздяще к нему глаголаху҃ ему (МЛС, л.56);

ж) нарушения согласования в обороте дательный самостоятельный:

Володимеру҃ же не хотяще сего створити. Ѡвѣща (ЛЛ, 75 об.);

и вывши им на Тѣри с полкы своими, Новгородци же ѹбояшесѧ пѹстиша Святослава на Тѣрь (МЛС, л.131 об.).

Можно выделить и отдельные выражения, в составе которых закрепляются конкретные деепричастные образования, что приводит к появлению регулярных нарушений (просѧ помощи, просѧ мира, послаша глаголя, слышав же се):

приходиша с мѣтрополитомъ просѧ мира (ЛЛ, л.157 об.); Слышав же Галичане. с Романовичема... послашасѧ г королеви. помочи просѧ оу него (ЛЛ, л.144); слышав же се Шлговичи вси. и поидоша г Кыеву҃ (ЛЛ, л.143 об.); граждане же се слышавъ созваша вѣче (ЛЛ, л.90).

В подавляющем большинстве случаев рассматриваемые формы уже не являются определением, а выступают в функции второстепенного сказуемого, обозначая действие, сопутствующее основному или предшествующее ему, например:

се слышавше Торци оубояшасѧ провѣгоша и до сего дне. и помроша вѣгаючи (ЛЛ, л.55); Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву҃. всади и в порубѣ (ЛЛ, л.56 об.); Святославъ же сдумавъ с мѹжи своими посла попа, река

(МЛС, л.44); **А Володимерко изыде противу их совокупився** весь (МЛС, л.41 об.); **Изяслав посадники исковавъ приведе** (МЛС, л.44).

Да и само подлежащее – определяемое слово – часто отсутствует в контексте, и только смысловые связи позволяют восстановить субъект действия:

Посла къ Радимичемъ. рька камо дань дакте (ЛЛ, л.8 об.); **...вселукавыи диявол...подъусти Бориславичих, Петра и Нестера, и начаша злы рѣчи глаголати на Мъстислава къ Давыдови лжющи...** (МЛС, л.94 об.-95).

Отсутствие атрибутивной функции наблюдается также в следующих случаях:

а) при значительной отдаленности имени и деепричастной формы, если к тому же между ними находится сказуемое, выраженное личной формой глагола:

аще братъ етеръ выидаше из монастыря. вса братия имаху в томъ печаль велику. посылаючи по нь призываху брата к монастырю (ЛЛ, л.63 об.); **Давыд же яко нѣм сѣдяше, жестоко сердце имѣя** (МЛС, л.20 об.);

б) если подлежащее выражено личным местоимением:

и мы сѣдимъ. платаче дань родомъ их (ЛЛ, л.7 об.); **ты хочещи бѣжати в Половецѣ, да волость свою погубивши, къ чемуъ възратишься** (МЛС, л.39).

В летописных текстах достаточно разнообразно представлены конструкции, в которых рассматриваемые образования обозначают основное действие:

а) при соединении двух сказуемых сочинительными союзами:

Гюрги же остава сѣна своего Глѣва в Городци а сам иде Суждалю (ЛЛ, л.112 об.); **Глѣвъ же посадив у них посадника своего и поиде оттуду к Выреви** (МЛС, л.50 об.-51); **и не вдашяся имъ Путивальци, но крѣпко вьющеса съ града** (МЛС, л.44 об.);

б) при отсутствии в предложении другого сказуемого, выраженного личной формой глагола:

Оулаѣвъ же внида Черниговъ и оувѣдавъ уже цѣловалъ крѣс Володимеръ. и Изславъ Дѣдвичь. и Ётославъ Всеволодичь. к Ётославу Улговичю. хота оувити лестю Изслава (ЛЛ, л.105); они же только словом суще по них, а дѣлом далече отстояще от нихъ (МЛС, л.104);

в) когда деепричастие обозначает действие, субъект которого не совпадает с субъектом другого действия, обозначенного личной формой глагола:

Изяславъ же съ сыномъ Ярославомъ посласта подвоинские и биричи по улицам кликати, зовуще ко князю на обѣд всякого от мала и до велика (МЛС, л.54);

г) когда указание на субъект действия находится в обороте «дательный самостоятельный», за которым и следует деепричастие:

Мъстиславу же боле налѣгающу на Всеволода, глаголя ему (МЛС, л.33 об.);

д) в безличных предложениях:

не бѣ двора идеже не гораще (ЛЛ, л.17).

Использование деепричастий в перечисленных синтаксических конструкциях было, по-видимому, отражением исходного состояния в истории рассматриваемых форм, когда их предикативные возможности реализовывались в наибольшей степени. В этих случаях они максимально приближались по своей функциональной значимости к личным формам глагола. Это приводило к возникновению определенной синтаксической синонимии в использовании тех и других и требовало развития дифференциации. Последняя выразилась в постепенном закреплении деепричастий в функции второстепенного сказуемого, обозначающего дополнительное действие, предшествовавшее основному или сопутствующее ему.

Наличие обстоятельственных значений, вероятно, исконно не свойственных причастным формам, но передаваемых деепричастными оборотами и одиночными деепричастиями, тоже было одним из способов их обособления. В летописях такие значения являются весьма разнообразными, например:

– времени:

Половци же притѣхавше к нему почаша просити братьѣ своеѣ (ЛЛ, л.115 об.); они же стояще велику пакость створиша (МЛС, л.82);

– образа действия:

Бонакъ погнаше сѣвка в тылъ (ЛЛ, л.91); и града же вышедше два Ляха съкрыстася легше над ѹвозом на пѹти (МЛС, л.32 об.);

– причины:

пѣши видѣвше полкы не смѣша выти из города (ЛЛ, л.113); хотят ся людие прѣдати, не могуще глада терпѣти (МЛС, л.25);

– цели:

се слышавъ Двдъ иде в Ляхы. к Володиславу. ища помощи (ЛЛ, л.90 об.); Послаша же Мъстислав и Володимеръ и Ярославъ по Ростислава Смоленьску, зовуще его къ Киеву на столъ (МЛС, л.80);

– уступительное:

и посла искать брата своего. искавъше его не верѣтоша (ЛЛ, л.23 об.).

Сравнение однородных (в содержательном, лексическом и грамматическом отношениях) конструкций в ЛЛ и МЛС позволило отметить целый ряд изменений, которые касаются возможности использовать в однотипных конструкциях то личные формы глагола, то деепричастия. Они говорят о выражении этой категорией слов процессуального значения, а также свидетельствуют о

развитии тенденции к их формальной стабилизации. Эти изменения можно разделить на 3 типа:

- 1) вместо деепричастия употреблена личная форма глагола,
- 2) личная форма глагола заменена деепричастием,
- 3) одна форма деепричастия уступила место другой деепричастной форме.

Деепричастия в ЛЛ → личная форма глагола в МЛС.

В этой группе по-разному ведут себя деепричастия настоящего и прошедшего времени. Формы прошедшего времени заменяются глаголом в 6-7 раз чаще, чем формы настоящего времени.

Так, вместо деепричастия, выступавшего в функции самостоятельного сказуемого в предложении, последовательно используется личная форма глагола – аорист:

Стополкъ посла Пүтятү воеводу своего. Пүтятя же с вои пришедъ к Лүчьскү. (ЛЛ, л.91 об.) – Святополкъ же посла Пүтятү, воеводу своего. Пүтятя же приде с вои к Лүчьскү (МЛС, л.25); и привѣгше к Волзѣ въ оучаны. и тѹ абыѣ впровергоша оучаны (ЛЛ, л.132) – они же привѣгоша къ вүчаном и начаша метатися в них (МЛС, л.110 об.).

Изменения, касающиеся деепричастий настоящего времени, немногочисленны. Тем не менее, и в них можно отметить определенные закономерности. Так, вместо деепричастных форм на *-а*, *-уче(-учи)* от глаголов несовершенного вида (НВ) в МЛС употребляются формы имперфекта:

а копыи сѧ не снимали. а дружингы вжидаютчи (ЛЛ, л.134 об.) – и копыи снимашыся, ожидатхү бо Половци дружины своѧ (МЛС, л.112).

Глаголы совершенного вида (СВ) дают замену таких деепричастий аористом:

пожга городъ Дмитровъ. възвратиса
 шпаты в Русь (ЛЛ, л.131) - и воротиса **пожже** Дмитровъ
 (МЛС, л.109 об.).

Личные формы глагола в ЛЛ → деепричастия в МЛС.

В этой группе наибольшей активностью также отличались аорист и деепричастия прошедшего времени. Формы аориста в абсолютном большинстве рассмотренных случаев в ЛЛ были образованы от основ СВ. В МЛС им соответствуют деепричастия прошедшего времени: *выиде - вышедъ, перебы - перебивъ, приведе - приведъ, остави - оставивъ, придоша - пришедше, убоися - убоився, прогна - прогнавъ* и др. Подобные замены, по-видимому, позволяли подчеркнуть последовательность действий во времени, более четко обозначить действие предшествующее и последующее. Это, в частности, достигалось благодаря использованию деепричастных оборотов с обстоятельственным значением времени:

поѣхаша по дорозѣ. и срѣтоша и паки. и сстѹпишася
 с ними битъ (ЛЛ, л.122 об.) – и поидоша по дорозѣ ихъ и
стрѣтшеся с ними начаша битися (МЛС, л.100); и
собрашася вси. и идоша к ним (ЛЛ, л.137) – **И собравшеся**
 вси придоша противу ихъ (МЛС, л.114 об.).

Гораздо менее многочисленны случаи изменений, связанных с формами имперфекта. Практически все они касаются глаголов НВ:

шедше вси кланяхуся игүмену и **молаху** игүмена и
принимаху брата в монастырь с радостью (ЛЛ, л.63 об.) –
 вси **шедше** покланяхуся за нь игүмену и **моляще** его, и
 тако с радостью **приемлюще** брата в монастырь (МЛС, л.6
 об.).

В рассмотренных случаях прослеживается достаточно последовательно проводимое закрепление тех или иных деепричастных форм за глаголами определенного вида. Это

наблюдается также в третьей группе примеров, где одна деепричастная форма используется вместо другой.

Деепричастие в ЛЛ → другая форма деепричастия в МЛС.

Направление изменений могло быть различным. Например, в соответствии с употреблявшимися в ЛЛ деепричастиями настоящего времени, образованными от перфективных глаголов, в МЛС употреблялись формы прошедшего времени. Наиболее активно подобные изменения происходили:

* в глаголах СВ IV класса:

Изяслав же совокупъ воѣ перебродисѧ чересъ Днѣпръ (ЛЛ, л.105) – и **совокупивъ вои своихъ множество поиде и перебродисѧ чресъ Днѣпръ** (МЛС, л.48);

* в префиксальных производных от глагола ити:

Князь же великий внида в волость ихъ поима города Вѣтьскыѣ (ЛЛ, л.140) – **Князь же велики Всеволод вшед в землю ихъ поима города Вятичские** (МЛС, л.120 об.);

* в префиксальных производных от глагола яти:

а Двдвичъ Изяславъ возма брата на полчищѣ и несе и Чернигову (ЛЛ, л.111 об.) – **а Давыдовичъ Изяславъ взем брата своего на полъчищи и несе к Чернигову** (МЛС, л.64 об.).

Некоторые изменения были связаны с процессом так называемого "второго южнославянского влияния" и его отражением в МЛС. Это касается случаев использования деепричастных форм на *-уще(-ущи)*, *-аще(-ащи)* на месте отмеченных в ЛЛ образований с суффиксами *-уче(-учи)*, *-аче(-ачи)*:

и хотѣша и оубити свои пѣшци. не знающе его (ЛЛ, л.111 об.) – **пѣшци же не знаючи его хотѣша убити и** (МЛС, л.64); **они же не пустячи в вежѣ сръбтоша ихъ** (ЛЛ, л.134 об.) – **Они же не пустяще и въ вежѣ своѣ, сръбтоша ихъ** (МЛС, л.112).

Этими же процессами было вызвано и некоторое увеличение числа архаических форм причастий прошедшего времени от глаголов IV класса в МЛС по сравнению с ЛЛ, например:

Володимерци же Ѹкрѣпившесѧ послашасѧ Чернигову по Миѡалка (ЛЛ, л.126 об.- 127) – **Володимерци же Ѹкрѣпльшесѧ межи собе послашасѧ по Миѡалка к Чернигову** (МЛС, л.104-104 об.), а также: **они же тѹ шедше с конь, и помольшесѧ идоша по крестѣхъ въ храм святыя Богородица** (МЛС, л.105); **вѣдѣвше же ихъ Болгары и Ѹстрашшесѧ повѣгоша** (МЛС, л.110 об.) и др.

Вместе с тем в МЛС исконные формы указанного типа часто имеют синонимичные образования на *-въ*, *-вше*, причем каких-либо стилистических различий между теми и другими не отмечается, ср.:

В первын же день приступльше пожгоша острогъ около его, а на другын день вѣчь створше Звенигородци и вѣсхотѣша предатися Всеволоду (МЛС, л.41 об.) и: **И приступивъ митрополитъ съ епископы и прозвитеры съ страхомъ и откры гробъ святою** (МЛС, л.1 об.); **придоша же... много зла створивше земли тои** (МЛС, л.54 об.).

Как показывают приведенные примеры, в ЛЛ и МЛС деепричастия настоящего времени и прошедшего времени еще представляют значительное формальное разнообразие, отражающее специфику их происхождения. Однако сопоставление однородных конструкций, содержащих в своем составе деепричастные формы, позволяет отметить тенденцию к установлению зависимости образования той или иной формы от вида производящего глагола.

Особое место среди рассмотренных случаев занимают деепричастия, образованные от глаголов с так называемой неопределенной видовой принадлежностью. Это такие глаголы, как **речи, видѣти, слышати, цѣловати, княжити, ити, стояти** и некоторые другие [Историческая грамматика

1982; Никифоров 1952]. Нехарактеризованность подобных бесприставочных глаголов по виду нашла отражение и в образовании деепричастных форм. От них могли быть образованы деепричастия как настоящего, так и прошедшего времени: **видѣти** - **видя**, **видяще** и **видѣвъ**, **видѣвшѣ**; **речи** - **река**, **рекѹще** и **рекѣ**, **рекше**; **ити** - **иды**, **ида**, **идѹче** и **шедѣ**, **шедше** и т.д. Правда, для разных глаголов эти возможности реализуются в текстах по-разному.

В обеих летописях отмечаются деепричастия прошедшего времени от большого числа бесприставочных глаголов, закрепившихся в дальнейшем как НВ: **искавъ**, **стоявъ**, **ходивъ**, **имѣвъ**, **ѣхавъ**, **гнавъ**, **плакавъ**, **пивъ** и др. Иногда они имеют синонимичные формы настоящего времени: **княживъ** - **княжа**, **стоявъ** - **стояще**, **пивъ** - **пья**, **гнавъ** - **женѹци** и т.п. Сохранению деепричастий прошедшего времени от глаголов НВ, в которых форма вступает в противоречие с видовым значением, способствовали разные факторы. Прежде всего – это возможность семантической дифференциации форм настоящего и прошедшего времени, когда первая обозначала второстепенное действие, одновременное с основным, сопутствующее ему, а вторая – действие, предшествующее основному, например:

се слышавъ Двдъ иде в Лхы. к Володиславѹ. ища помощи (ЛЛ, л.90 об.) и: **и посла искатъ брата своего. искавъше его не верѣтоша** (ЛЛ, л.23 об.);

Они же **стояще великѹ пакость створиша** (МЛС, л.82) и: **Юрьи же стоявъ ѹ Володимеря 10 дни и не створи мира взратися** (МЛС, л.75); **Глѣбъ же стоавъ до полѹтра воротися опять** (МЛС, л.50) и др.

Форма прошедшего времени часто сопровождалась указанием на длительность совершения второстепенного действия, что подчеркивало его окончание к моменту

выполнения другого действия, делая обоснованным употребление деепричастия на *-въ, -ше*.

Сравнение деепричастных форм в ЛЛ и МЛС позволяет отметить, что в конце XV в. для глаголов НВ сохраняются разные возможности образования деепричастий. При этом ведущим фактором, оказывающим влияние на выбор формы настоящего или прошедшего времени, оказывается не вид производящего глагола, а необходимость выразить временные соотношения между основным и второстепенным действиями.

Синонимические отношения в деепричастиях от глаголов СВ, как об этом свидетельствуют примеры из МЛС, складывались иначе, чем в НВ. Во-первых, таких синонимов значительно меньше. Во-вторых, в них не отражаются семантические отличия. Формы настоящего и прошедшего времени в равной степени обозначают предшествование второстепенного действия, ср.:

оставя - оставивъ - оставль:

чему есь оставя Новъгород, да сѣлъ в Переславли (МЛС, л.37 об.); **Ярополкъ же оставивъ мать свою и дружиню свою в Луцкѣ, бѣжа в Ляхы** (МЛС, л.11); **И въсхотѣ оставль Переяславль бѣжати** (МЛС, л.38 об.);

исполча - исполчивъ:

сам же Изяславъ исполча полкы свое иде къ Киеву (МЛС, л.59); **Утрѣи же порано король, удоря в бубны и исполчивъ полкы свое, поиде** (МЛС, л.66);

вымя - вынемъ:

Глѣвъ же вымя топоръ, растя и, и паде мертв (МЛС, л.1); **И вынем мечь нача сѣчи и по шлему** (МЛС, л.64) и др.

В летописных текстах нашла отражение и тенденция к выработке единых показателей у деепричастий настоящего времени. Речь идет о вытеснении форм на *-ы* формами на *-а (-я)* под влиянием глаголов IV класса, что привело к

появлению образований типа **пюнда**, **возма**, **жда**, **рька**, **мога** и др.:

сверга порты сунуся въ Днѣпръ (ЛЛ, л.19 об.); **посла** слы ... **рька** (ЛЛ, л.22); **вза** **жа** **ида** мѣдѣнѣ двѣ капищи (ЛЛ, 40-40 об.); **жда** **кгда** придетъ Бѣ с нѣсе. сего имѣ антихста. сважеть оузами и посадить и (ЛЛ, л.59 об.); **Ярополкъ** же **Изяславич** тогда **разволѣся** путемъ **ида** и **велми** **воленъ** **высть** (МЛС, л.94); **Мѣстиславъ** же **иде** по нем до **Дороговѣжа**, **воюя** и **жга** **села**, и много зла створи (МЛС, л.75).

Таким образом, в древнерусских летописных сводах деепричастие ведет себя как вполне самостоятельная грамматическая категория, противостоящая причастию, на базе которого оно было образовано. Наряду с неизменяемостью форм, которая проявляется, в частности, в случаях нарушения согласования с именем (подлежащим), о специфике деепричастия говорит его синтаксическое употребление.

Основной функцией деепричастия является предикативная в отличие от атрибутивной, которая была характерна для причастных форм. О способности деепричастия обозначать действие свидетельствует его употребление в роли основного (и единственного) сказуемого в предложении. Однако чаще всего оно обозначает второстепенное действие, которое предшествует основному или сопутствует ему. О развитии именно этой синтаксической функции деепричастия свидетельствуют изменения, отраженные в разновременных летописях. Кроме того, значение одновременности или последовательности действий сопровождалось различными обстоятельственными характеристиками.

Рассмотренные случаи отражают развивающуюся зависимость образования той или иной формы деепричастия от видовой принадлежности производящего глагола. Особенно ярко это проявилось при замещении одних

деепричастных форм другими. Однако для рассматриваемого периода формальная стабилизация этих образований была еще далека от завершения.

3. Деепричастные формы в старорусском языке (XVI-XVII вв.)

XVI-XVII вв. в истории деепричастий были временем их дальнейшего становления в качестве самостоятельной грамматической категории. Стабилизация рассматриваемых образований происходила как на формальном, так и на синтаксическом уровне, проявляясь по-разному в памятниках разной жанрово-стилистической принадлежности. Наиболее динамичными были изменения, отразившиеся в текстах исторического содержания, к которым можно отнести летописи, путевые записи, документы дипломатического характера, сочинения с элементами публицистики и др.

В старорусском языке продолжают сохраняться и реализуются все возможности образования деепричастий, унаследованные ими от исходных причастных форм. Однако продолжала развиваться формальная противопоставленность деепричастий в зависимости от категории вида производящего глагола. Специализация формальных показателей, связанная с видовой принадлежностью глагола, довольно отчетливо прослеживается в памятниках XVI-XVII вв. Вместе с тем в них еще сохраняется и синонимия разноаффиксных образований.

Деепричастия от глаголов СВ представлены формами с суффиксами *-а*, *-в*, *-вши*, *-ши* и нулевым, имевшими разную степень употребительности. Две основные группы, равные по количеству, составляют образования на *-а* (*увидя*, *заметя*, *исключая*) и *-в* (*приехав*, *сыскав*, *познав*). Однако суффикс *-а* используется, как правило, при образовании деепричастий от глаголов II спряжения (*укрепить-укрепя*, *поговорить-поговоря*, *ударить-ударя*) [см. также Никифоров 1952;

Исторической грамматика 1982]. Такое состояние наблюдается в разных по жанру и стилю, а также по времени написания текстах, продолжаясь и в XVIII в.

Типовым значением деепричастий СВ было значение второстепенного действия, предшествующего основному, которое выражалось всеми отмеченными формами:

Воеводы же, прочет грамоту великого князя, начат благ совет советовати (ПЛ, л.516); *И те посланники, приехавши, сказали великому князю* (ПЛ, л.502); *И Крымцы видево то,.. собрався вьсе да пограбя, что возможно, побежали ис Казани* (Ал.-Невл.лет., л.514); *Он же вскоре исцеление получив, поят ю жену себе* (Пов. ПФ, л.142); *и прибегше вь Калугу, и ту седоша* (Иное сказ., л.359 об.); *Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лодку починя и парус скропав, через море пошли* (Авв., с.110); *Он же прискоча, пад, поклонися отцу и рече* (Авв., с.105) и др.

Выявленные в текстах одноосновные синонимичные образования с суффиксами *-а* и *-в*, *-вши* употребляются в идентичных контекстуальных условиях и, как правило, не противопоставлены ни по значению, ни стилистически, что позволяет говорить об их тождественности на протяжении всего периода.

Между тем, активность разных образований не была одинаковой. Так, к концу периода постепенно нарастает число форм СВ на *-а*. Суффикс *-вши*, напротив, не относился к числу частотных, причем практически не противопоставлялись возвратные и невозвратные глаголы [Никифоров 1952; Черных 1953; Историческая грамматика 1982]. Для возвратных глаголов также, как для невозвратных, были предпочтительны формы на *-в(ся)* типа: *собрався, обратився, пробудився, россмеявся, исповедався* и под.

Деепричастные формы с суффиксами *-ши* и нулевым были представлены в тех случаях, когда глагольная основа оканчивалась согласным: *прочет, пад, привед, приведши, седши, привезши, поднесши* и др. Формы с нулевым суффиксом единичны и носят явно архаический характер.

Они преобладают в летописных текстах, что может быть объяснено их жанром, продолжающим традиции древнерусского летописания. Преимущество суффикса *-ши* по сравнению с нулевым наблюдается и при образовании деепричастий от основ на заднеязычные *-к-*, *-з-* [Историческая грамматика 1982].

Своеобразно ведут себя глаголы СВ, производные от *ити*. Если в древнерусский период были отмечены образования от основы настоящего времени *-ид-* не только с твердой (*поида*), но и с мягкой согласной (*доидя*), то в старорусском языке они в значительной степени утратили свои позиции, заменившись формами от супплетивной основы прошедшего времени *-шед-*, образованными с помощью суффикса *-ши* или нулевого: *вошед* (*-ши*), *пришед* (*-ши*), *ушед* (*-ши*) и под.

Число форм СВ с суффиксом *-учи* совсем незначительно: *узнаючи*.

Деепричастия от глаголов НВ также характеризовались разнообразием аффиксов, однако преобладающее большинство форм восходило к действительным причастиям настоящего времени – это формы на: *-а* (*смотря, медля, упояя*), *-учи/ -ачи* (*делаючи, бьючи, едучи, видячи, стоячи, тешачи*), *-уще/-аще* (*убивающесея, кающесея, плачущи, хотяще, видяще*). Очень немногочисленны формы на *-в* (*бив, держав, знав*), *-виши/-вше* (*видевши, певше, кончавше*), *-ши/-ше* (*едиши, стригше*) и с нулевым суффиксом (*шед*), связанные с причастиями прошедшего времени.

Типовым значением деепричастий НВ было значение второстепенного действия, одновременного с основным, сопутствующего ему:

и во время святых литургия стоя под того рукою,.. испусти сицевъ глаголь (Сказ.Авр.Пал., л.326 об.); *и не приставая к берегу, карабли под Варгавом прошли мимо* (Пут.р.п., с.103); *И королевна Федора и Неудачю учала отпускати, а отпускаючи, говорила Федору* (Пут.р.п., с.142);

Восплакася царь, на них смотрячи (Пов. Дм.Бас., с.83); *А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их* (Авв., с.114).

Характеризуя распространенность форм на *-учи/-ачи* в старорусском языке, исследователи отмечают: «...причастия типа *видячи, жалуючи* встречаются в памятниках разных жанров, хотя и наблюдается известное тяготение причастий на *-учи, -ачи* к контекстам бытового характера, близким к разговорной речи» [Историческая грамматика 1982, 340; а также: Никифоров 1952; Черных 1953].

В старорусском языке формы на *-учи* свободно образуются от глаголов, различных как по семантике, так и по характеру основы, оказываясь предпочтительными для основ на твердые согласные: *берегучи, ркучи, идучи* и под. О близости между деепричастиями на *-а* и *-учи/-ачи* особенно красноречиво говорят контекстуальные условия употребления одноосновных синонимичных форм типа *стоя-стоячи, ведая-ведаючи, надеяся-надеючися, прося-просячи* и под.:

А сидячи за столом, королевнины советники пили чашу до Федора да до Неудачи про государево здоровье (Пут.р.п., с.124) и: *И за столом сидя, королевна пила чашу про государево здоровье* (там же, с.138).

Стилистическая нейтральность деепричастий на *-учи* проявлялась на фоне маркированных форм на *-уще/-аще*, ср.:

и припадает умилно со слезами к чудотворному образу... таино молитвы всылающе к богу (Ал.-Нев.лет., л.286 об.); *Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа... брашна духовнаго желает* (Авв., с.117).

В то же время у Аввакума аналогичные формы встречаются и в стилистически сниженных условиях, ср.:

а с прочими, скитающися по горам и по остроуму камению... травую и корением перебивающися, кое-как мучилися (Авв., с.93-94) и тут же: *Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травую перебиваючися* (с.93).

Немногочисленные формы НВ на -в или -вши, употребление которых иногда сопровождалось наличием в контексте временных ограничителей, что способствовало выражению значения завершенности действия:

все людие.., жены и дети, постившеся с 14 числа да до 19 числа.., хождаху по церквамъ (Иное сказ., л.354 об.); *Полтара года держав, паки одново к Мокве взяли, да два сына со мною* (Авв., с.121).

Однако для большинства случаев на основании контекстуальных условий функционирования синонимичных форм можно говорить об их тождественности, что впоследствии, по-видимому, стало одной из причин устранения одного из синонимов:

И видя воеводы, что град тверд, и пошли прочь (ПЛ, л.579) и: *И царь, и великий князь, видев такое нестроение, пошел от града Казани прочь* (там же, л.551); *И, плачючи, послал во церковь* (Авв., с.142) и: *Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь* (там же, с.142).

В области синтаксического употребления деепричастий также происходил ряд изменений. Прежде всего, следует отметить сохраняющиеся отголоски древнерусского состояния, когда была разнообразно представлена предикативная функция рассматриваемых образований, в рамках которой они могли обозначать не только второстепенное, но и основное действие. Это находит отражение в случаях союзной связи между глагольным сказуемым и деепричастием, в употреблении деепричастия при самостоятельном субъекте действия. Конструкции типа «вставъ и рече» имеют давнюю традицию – употребляясь в древнерусском языке, они использовались в разных жанрах и стилях старорусского языка, сохраняясь вплоть до XVIII в.:

Да устроивши город и пришел на Опочку по здорову (Ал.-Нев.лет., л.183 об.); *и тут мужики его ограбя и в воду посадили* (ПЛ, л.570 об.); *про государево здоровье выпив чашу, да пили чашу до советников при королевнино здоровье*

(Пут.р.п., с.124); *А надо мною думаю, да и отпустили совсем* (Авв., с.113).

Сохраняется и возможность для рассматриваемых образований выполнять функцию самостоятельного сказуемого:

И быша у него тогда бояре., и приказавъ им о своем сыну (Ал.-Нев.лет., л.150); *И царь налив чаши златую меду.* (Пов. Дм.Бас., с.81); *Потом, минуя годов с четырнадцать, вдругорядь солнцу затмение было* (Авв., с.67).

Деепричастие могло выступать в составе неопределенно-личных, безличных и инфинитивных конструкций:

Которые де статьи написаны были не гораздо, не зная русково обычая, и мы де те статьи велим исправить (Пут.р.п., с.136); *а чюжих бы товаров, емлючи у иноземцов за свои товары, никому не привозити* (Пут.р.п., с.133); *а лежа, на ум взбрело* (Авв., с.89); *Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя* (Авв., с.132).

Сохранение отдельных архаических особенностей в функционировании деепричастий в языке XVII в. вызывает неоднозначную оценку исследователей, что в известной степени связано с характером исследуемых памятников. Анализ языка книжно-литературных текстов приводит авторов к выводу о незавершенности процесса становления деепричастия, о существовании «единого, не расчлененного на причастия и деепричастия класса слов» [Рюмина 1974; аналогично – Запольская 1985; Лекарева 1996 и др.]. Вместе с тем обращение к языку деловых документов, исторического повествования и других текстов, не связанных с книжной, церковнославянской традицией, заставляет признавать существование деепричастия в качестве самостоятельной категории: «Совершенно очевидно, что наличие союза между причастным образованием и глагольным предикатом, наличие "собственного" подлежащего при причастном образовании... не противоречат признанию существования деепричастий в синхронный период (XVII в. – Л.А.)» [Т.И.Агафонова 1981,

16], а также Э.И.Коротаева [Коротаева 1959], А.А.Припадчев [Припадчев 1981], Е.Г.Солуянова [Солуянова 1989] и др.

Действительно, подобные синтаксические архаизмы оказываются стилистически маркированными и присутствуют, как правило, в текстах, в наибольшей мере связанных с древнерусской традицией, например, в летописях, в повествовательном жанре. Для памятников этого типа характерно также наличие большого количества образований, редких в других текстах, таких как архаические формы прошедшего времени, формы на *-е*, формы на *-в* от глаголов СВ II спряжения, сохранение согласования с подлежащим в числе и др.

В процессе становления деепричастий все более отчетливым становится закрепление за ними значения второстепенного действия, а также сопутствующих ему обстоятельственных значений:

– времени:

И оне пошли х королю в Вязьму, а идучи Можаяск выжгли и высекли (ПЛ, л.672 об.); *Наутрии же, вставше, людие обретоша гроби* (Пов. ПФ, л.146);

– цели:

а сам князь великий и его мати...и з бояры, тут стояли, и молебная совершающе, и с великими слезами моляще святого (ПЛ, л.492 об.); *а нынешней Аббас-шах присьлал к великому государю нашему...многижда послов своих..., просячи того, чтоб великий государь наш...принял его в дружбу и любовь...* (Пут.р.п., с.188);

– причины:

что она, страшася смерти,.. долгое время такового... дела не объявила (Иное сказ., л.336); *а поимали деи были тех людей Тинехматовы тотарове и держали их под Астороханью для языков у азстороханцев, дружачи государю московскому* (Пут.р.п., с.85);

– образа действия:

Они же ихъ девять версть гнаша и боле, въ тьль побивающе и секуще (Иное сказ., л.274 об.); арап на лошади скакал, стоючи во всю пору без седла (Пут.р.п., с.295); спрятал ево, положа на дно в судне (Авв., с.107);

– условия:

а после стола быть у его королевского величества и посольство... отправлять, для того, что вам, не кушав, будет истомно (Пут.р.п., с.252); А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова ино беса совершенно не отгонишь (Авв., с.96);

– уступительное:

и, не крестивъ, ее в соборной церкви... венчалъ (Иное сказ., л.322 об.-323).

В ряде случаев происходило значительное сближение деепричастий (как правило, одиночных) с наречиями (лежа, стоя), а также с предлогами и союзами (не доезжая, смотря, посмотря, хотя):

А лежа, на ум взбрело (Авв., с.89); Сидя мне велит молитвы творить [т.к. Аввакум был болен] (Авв., с.128); А поклон правил стоя, а не на коленках (Пут.р.п., с.78); И оттуду пошел молодец на чюжу сторону и учал он жити умеючи (Пов. о Горе и Зл., с.11);

Токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое (Авв., с.126); И стольник Петр и дьяк Семен в город Бурдой не поехали, а стали, не доезжая до Бурдоя за пять верст (Пут.р.п., с.238).

Таким образом, обобщая картину развития деепричастных форм в старорусском языке, можно отметить следующие наиболее общие особенности этого процесса.

1. Несмотря на то, что при образовании деепричастий продолжает сохраняться значительное разнообразие форм, отражающее их связи с разными источниками, количественное соотношение форм позволяет говорить о достаточно отчетливо проявляющейся тенденции к закреплению зависимости типа «вид – форма», в соответствии с которой образования СВ используют суффиксы,

восходящие к прежним причастиям прошедшего времени, тогда как деепричастия НВ образуются с помощью суффиксов, связанных с причастиями настоящего времени. В то же время в сфере глаголов СВ II спряжения наблюдается некоторый возврат к исходному состоянию: если в XIV-XV в. от подобных глаголов деепричастия на *-в/-вше* зафиксированы чаще, чем на *-а*, то к XVII в. ситуация становится противоположной – формы на *-а* чаще, чем на *-в/-вши*, причем количество образований на *-вши* также сокращается как для невозвратных, так и для возвратных глаголов.

2. Сохранение синонимичных образований, не укладываемых в соотношение «вид – форма», оказывается связанным с причинами разного характера: фонетическими свойствами глагольной основы, лексико-фразеологическими особенностями конструкций, семантической и стилистической дифференциацией форм и др.

3. Синтаксические особенности функционирования деепричастий демонстрируют дальнейшую специализацию этой грамматической категории, развивающуюся в двух основных направлениях: в сохранении их предикативных возможностей, которые выразились в обозначении второстепенного действия, сопутствующего основному или предшествующего ему, а также в обозначении различных обстоятельственных характеристик протекания основного действия.

4. Наблюдаются случаи семантического словообразования на базе деепричастий, связанные с превращением их в наречия, предлоги и союзы.

5. Формальные особенности и синтаксические функции рассматриваемых образований в значительной мере зависели от жанрово-стилистической приуроченности текстов. Так, в памятниках книжной письменности в большей степени сохраняются архаические черты, проявляющиеся как в формах деепричастий, так и в их синтаксическом употреблении, тогда как в жанрах, близких к живому

русскому языку, которые можно условно назвать «историко-публицистическими», и в деловых текстах наиболее ярко представлены изменения, отражающие динамику изучаемых форм.

4. Деепричастия в русском литературном языке XVIII века

XVIII век занимает особое место в истории русского литературного языка. Это, прежде всего, обусловлено интенсивностью процессов, проходивших на разных языковых уровнях. В этом отношении можно выделить первую половину столетия, когда изменения были особенно показательными. Если для начала века (первая треть) были свойственны стилистическая неупорядоченность и пестрота, практически отсутствие языковых норм, то его середину можно охарактеризовать как время поисков новых путей развития русского литературного языка, время попыток создания литературной нормы.

Деепричастия были одной из наиболее активных грамматических категорий, которые употреблялись в памятниках разных жанров и придавали повествованию живость и динамизм, позволяя передать временную соотнесенность разных действий, их обстоятельственные характеристики, избегая многократного употребления одинаковых личных форм глагола. В XVIII в. при образовании деепричастий еще сохраняются возможности использования разных аффиксов, что создает предпосылки для существования синонимичных форм как от глаголов совершенного, так и несовершенного вида, однако их соотношение на протяжении столетия было различным, что позволяет проследить определенную динамику в их развитии.

4.1. Динамика деепричастных форм в первой половине XVIII столетия

Деепричастия СВ. В первой трети XVIII в. в этой группе были представлены два основных типа форм – с суф. *-в* (*приняв, написав, развив*) и *-а* (*уставя, высмотря, отслужя*), причем последние были образованы, как правило, от глаголов II спр. Подобные отношения являются продолжением тенденций развития рассматриваемых форм в предшествующий период их истории, когда происходило нарастание деепричастий на *-а* от таких глаголов. Своеобразный пик форм на *-а* приходится на первую треть XVIII в.

Растет и число одноосновных грамматических синонимов – деепричастий, образованных от одной и той же глагольной основы при участии разных суффиксов. Контекстуальные условия функционирования форм на *-а* и *-в* дают возможность говорить о равнозначности синонимичных образований, которые, как правило, обозначали второстепенное действие, предшествующее основному, например:

Дворяня, накупив пустошей, да в наймы отдают (Посошков, л.7 об.) и: *А буде кто, накупя скота, погонит, не запятнав* (там же, л.219); и *за то, скинув рубахи, высечь их батоги* (там же, л.158) и: *да, скиня рубаху, бить их обоих батоги нещадно* (там же, л.220).

Однако картина существенно меняется к середине столетия – формы на *-а* постепенно уступают место формам на *-в* или *-вши*, которые не имели между собой никаких стилистических и семантических отличий:

Прибывши в Гданск, лишился всего онаго, для того что неприятели Государевы отняли у него весь оный завод (Тредиаковский, III – 168);

*Воронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещьбу еще также похваливши,*

Прямо, говорила, Птицею почту тебя (Тредиаковский, I – 219).

М.В.Ломоносов в своей «Российской грамматике», приводя примеры деепричастий «прошедшего времени», указывал две формы: «Двигавъ, двигавши. Двинувъ, двинувши», однако предпочитал формы на -в формам на -вши: «На ВЪ кончащиеся лутче, нежели на ВШИ, однако не без изъятия» [Ломоносов 1982, 146], ср.:

Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию... (Ломоносов, VI-226) и: *Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город...* (там же, с.219),

хотя у него встречаются и синонимы другого рода:

...за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд, оставив известие, что... (там же, с.176) и: *Новгородцы, зная, что сие имя русь ни им, ни варягам не собственное., сами назвались оным, оставя свое прежнее* (там же, с.37).

Заметно преобладают деепричастия на -в у А.П.Сумарокова (*воздохнув, отвратив, поискав, склонив, раздвигнув*) на фоне незначительного числа образований с суффиксом -а (*возненавидя, наполняя, возглаголя, посея*) и единичных форм на -вши (*приявши, почувствовавши, пронзивши*).

Изменения коснулись и деепричастий, образованных от возвратных глаголов СВ. В этом случае синонимия сначала была представлена тремя типами образований: на -а(сь) (*уведомясь, согласясь, случась*), -в(ся) (*собрався, дождався, напився*), -вши(сь) (*родившись, съехавшись, взобравшись*). Противопоставление первой группы остальным, как и для невозвратных форм, было связано с формально-грамматическими особенностями производящих глаголов – их отнесенностью ко II спр. Возможность использования подобных деепричастий остается достаточно высокой вплоть до середины века. Другую значительную группу возвратных образований составили формы с суффиксом -в(ся), которые

к середине столетия идут на убыль, хотя несколько задерживаются в сочинениях некоторых авторов (например, А.П.Сумарокова).

Вместе с тем основными становятся деепричастия на *-вши(сь)* (*ослепившись, раздражившись, коснувшись*), которые даны в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова как единственно возможные для возвратных глаголов: «Двигавшись, двинувшись» [Ломоносов 1982, 136].

Все названные образования не имели стилистических различий и выступали в одинаковых контекстуальных условиях.

Таким образом, для возвратных форм можно говорить об увеличении числа образований с суффиксом *-вши*, с одной стороны, и о продолжающейся конкуренции с суффиксом *-а* – с другой.

Деепричастия НВ. В этой группе образование деепричастий также характеризуется наличием синонимии, хотя отношения между синонимичными формами складываются несколько иначе, чем в СВ. Прежде всего, следует отметить отсутствие различий между образованиями от возвратных и невозвратных глаголов. Преобладающими, причем в значительной степени, являются деепричастия с суф. *-а* (*внемля, лияся, ездя, глаголя, ходя*). Кроме этого, на протяжении первой половины XVIII в. были представлены менее частотные образования с суф. *-учи/-ачи* (*живучи, пишучи, сидячи*), *-уще/-аще* (*живуще, приносяще*), *-в* (*держав, бив, знав*), *-вши* (*воевавши, плутовавши, ходивши*). Формы с этими суффиксами были возможны и у возвратных глаголов (*пенючись, надеющийся, витався, бившися*). Иногда от одного глагола образовывались разноаффиксные деепричастия (*зная-знав-знавши, пиша-пишучи-писав*).

Говоря о самом многочисленном типе с суффиксом *-а*, стоит обратить внимание на более последовательную реализацию в XVIII в. возможностей образования деепричастных форм, чем это имеет место в современном русском литературном языке. Речь идет об образованиях типа

пиша, бежа, сладя ('сладкий'), *ляя, бия, вияся, поя* (от *петь*), *бдя, мня, прясь* и др., например:

...как основательно Сенека, пиша об утешении к Албину, примечает (Третьяковский, III-371);

Добродетельный Писец,

Стих поя безвинно,

Сердца не вредит,

Сладя словом чувства чинно... (там же, I-77).

Подобные деепричастия были возможны практически на протяжении всего столетия, однако их образование от глаголов с чередованиями в основе, по-видимому, вызывало известные затруднения, попытки преодолеть которые выражались в использовании синонимичных форм с иными суффиксами: *писать* – *пиша* – *пишучи* – *писав*, *бить* – *бия* – *биючи* – *бив*, *петь* – *поя* – *пев(ши)*, *искать* – *ища* – *ищуци* – *искав* и под.

Вторую группу по количеству образований составляют формы с суффиксом *-учи* (*идучи, едучи, бегучи, копаючи, ведаючи, возвращающись* и др.). Они встречаются практически во всех стилях и жанрах русского языка XVIII в., причем в деловых текстах их гораздо меньше, чем можно было ожидать, принимая во внимание их разговорно-просторечный характер, о котором пишут многие исследователи. Значительно активнее формы на *-учи* употребляются в научной, публицистической литературе и даже в поэтической речи начала и середины XVIII в.

В «Российской грамматике» М.В.Ломоносова приведены две возможные формы деепричастия настоящего времени на *-а* (*-я*) и *-учи* (*-ючи*), а также достаточно строго определены сферы их использования. Однако известные замечания ученого о стилистической специфике обеих форм: «...деепричастия на ЮЧИ пристойнее у точных Российских глаголов, нежели у тех, которые от Славенских происходят; и напротив того деепричастия на Я употребительнее у Славенских, нежели у Российских» [Ломоносов 1982, 127], – зачастую остаются неучтенными, в том числе и самим

М.В.Ломоносовым. Об отсутствии стилистической маркированности форм на *-учи* и их равнозначности с деепричастиями иных типов на этом этапе развития дают возможность говорить следующие факты.

Во-первых, образования с разными суффиксами (*-учи* и *-а*) могут выступать в близких контекстуальных условиях, что прослеживается в текстах как одного, так и разных авторов:

и с раскольниками бы, никакова разглагольства не знаючи, не разговаривали (Посошков, л.22) и: *и, зная их ереси, могли бы мы от них остеречи себя* (там же, л.16);

Знайтесь с дружными людьми, живучи правдиво (Третьяковский, I-78) и:

То природе грубой следовали все вобрез,

И живя в пустынях, бегали по пищу в лес (там же, I-79).

Во-вторых, вопреки ограничениям при образовании деепричастий на *-учи*, сформулированным М.В.Ломоносовым, наибольшее количество и значительное разнообразие глаголов, от которых они образуются, отражено в поэтической речи. Например, у самого М.В.Ломоносова на 10 форм с суффиксом *-учи*, отмеченных в поэзии (*бьучись, трясучись, пенючись, ударяючи, играючи, распростираючи* и др.), только 3 – в исторической прозе (*идучи, пишучи, сокрываючи*), например:

Я стыд девической в тебе весьма хвалю,

И что вздыхаючи ты брата ожидаешь (Ломоносов Избр., с.320);

Вы, ударяючи во бреги тучны

И проходя поля свои,

Ликуйте, светло веселитесь (там же, с.135) и др.

Стилистическая нейтральность форм на *-учи*, наряду с их специализацией в качестве обстоятельства образа действия, могли в дальнейшем стать причиной их постепенной утраты. Сохранению же этих образований на протяжении всего столетия способствовали фонетические факторы: деепричастия образовывались с помощью суффикса *-учи* в тех случаях, когда было необходимо максимально

сохранить единство основы или избежать нежелательного сочетания звуков: *могучи* вместо *мога*, *могя*; *бьючись* вместо *биясь*, *бьясь*; *бегучи* вместо *бежа* и *под*.

В конце XVII – первой трети XVIII вв. стилистическая нейтральность форм на *-учи* была особенно заметна на фоне образований на *-уще(и)*, которые вследствие своего происхождения обладали возможностью стилистического противопоставления другим образованиям, и прежде всего формам на *-учи*, ср.:

И в таковых суетах живуще, не токмо стадо христово пасти, но и себя не упасти (Посошков, л.28 об.) и: *И в таковой скудости живучи, как ему и не своровать и как ему с службы не бежать* (там же, л.4 об.); *на волю божию надеющихся, дерзнух и аз нечто изнести о воинском деле* (Посошков, л.2 об.) и: *И тиш крестьяня или дворовые люди, надеючись на тех своих помощиков, смело воруют* (там же, л.159).

Формы на *-уци* не упоминаются в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова, однако употребляются им самим в поэтических произведениях:

Тебе Россия вся открыла

Клянущись вышнего рукой (Избр., с.97);

Там вихри пламенны крутятся,

Борющись множество веков (там же, с.204).

Отношения иного рода складывались, видимо, между формами НВ с суффиксами *-а* и *-в*. Будучи генетически разными временными формами древнего причастия, эти образования и в деепричастном употреблении в течение длительного времени сохраняли оттенки временного значения в своей семантике, ср.:

...не так допрашивать как семо написано, но смотря по делу и по случаю и на самое дело зря, а не наизусть, ибо, дела не видеv, не можно о всем в полности написать (Посошков, л.65 об.); *Быти тунейдцом не делаv и не делая ни малейшия роду человеческого услуги* (Сумароков, 10-127).

Формы на *-в* могут передавать значение второстепенного действия, предшествовавшего основному, при этом оно, как правило, представляется завершенным ко времени осуществления основного, чему способствуют и специальные временные ограничители:

Ин ничего не пив оправьтись (Тредиаковский, III – 276); *можешь ли еще терпеть, терпевши год?* (Тредиаковский, I – 585); *Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал* (Ломоносов, VI-271); *Долго так стояв, ...солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев* (Ломоносов, VI-193); *От того, что я во всю не спал ночь, и заснул уже почти на свету, так не спав целую ночь, заснув, конечно крепко спать будешь* (Сумароков, 5-35).

Однако возможности такой дифференциации разноаффиксных форм к середине XVIII в. были, по-видимому, исчерпаны, так как завершенность действия гораздо отчетливее выражалась префиксальными производными СВ от соответствующих глаголов. Вместе с тем устранение синонимии такого типа соответствовало общей тенденции развития деепричастных форм, в рамках которой все отчетливее проявлялась закреплённость соотношения ‘вид – форма’: совершенному виду основы соответствовали формы на *-в*, *-вши*, несовершенному – формы на *-а*, *-учи*.

Стоит отметить некоторое тяготение деепричастий НВ с суффиксами *-в*, *-вши* к отрицательным конструкциям, что характерно для подобных образований и в современном русском языке [Русская грамматика 1980].

Итак, грамматическая синонимия деепричастных форм продолжает развиваться и в первой половине XVIII в., причем отношения между синонимичными образованиями складываются по-разному в зависимости от вида производящего глагола:

1. Для СВ можно говорить о формально-грамматической обусловленности выбора того или иного

аффикса при отсутствии стилистических и семантических различий между разными формами.

2. Деепричастия НВ отличаются значительным разнообразием. При этом иногда прослеживаются следы былых отношений, связанные с генезисом тех или иных форм. Это проявляется:

- в семантико-грамматической противопоставленности синонимичных образований (завершенность второстепенного действия – его одновременность с основным);
- в стилистической дифференциации форм (с суффиксами *-учи* – *-уци*).

В ряде случаев сохранение синонимов поддерживается фонетическими, аналогическими и другими причинами. Однако перечисленные отношения носят нерегулярный характер, что позволяет рассматривать их как затухающие.

3. В образовании и употреблении деепричастий в первой половине XVIII в. наблюдаются и индивидуально-авторские особенности.

4.2 Развитие деепричастных форм во второй половине XVIII века

Деепричастия СВ. В этой группе продолжает сохраняться синонимия разноаффиксных образований на *-в/-вши* и *-а* (как для возвратных, так и для невозвратных глаголов), при которой формы второго типа связаны с глаголами II спр., но те и другие тождественны в стилистическом отношении и по контекстуальным условиям употребления, что проявляется как в поэзии, так и в прозе, ср.:

Желали, чтоб я, сняв корону,

Со всеми равен был, –

Ни слез не испустив, ни стону,

Я с вами гражданином слыл (Державин, I-379) и:

Вздыхнул и, испустя слез дождь,

Вещал: «Знать, умер некий вождь!» (там же, I-323);

Учитель наш вздурился, сие увидев. Сперва уговаривал он нас ласкою и убеждал резонами: но увидя, что мы только пуще смеялись, принялся за насильные средства (Болотов, I-183).

Противопоставленность возвратных и невозвратных глаголов с точки зрения деепричастных суффиксов в этот период имеет иной характер. Возвратные глаголы II спр. оказываются более устойчивыми в сохранении форм с суффиксом *-а(сь)*, что находит отражение у разных авторов. Суффикс *-в(ся)* полностью утратил свои позиции среди возвратных форм, уступив место суффиксу *-вши(сь)*.

В то же время у отдельных авторов (напр., у А.В.Суворова, А.Болотова) число деепричастий с суффиксом *-вши* увеличивается для невозвратных глаголов, особенно среди форм, образованных от глаголов I спр., ср.: *запечатавши, потерявши, оскудевши, уставши* и др., но для II спр., как правило, – *заградя, поруча, обременя*.

В конце столетия от глаголов СВ встречаются отдельные формы на *-учи*, которые выступают уже в качестве наречий. Ведь именно они, подвергаясь адвербиализации, впоследствии перестали существовать как деепричастия, ср.:

Едва успели офицеры запыхаючись прибежать к роте (Державин, VI-417); *Я пишу из Москвы, куда я украдучи из Валдая приехал для окончания дела* (там же, V-541).

Деепричастия НВ. По-прежнему основную группу составляют формы с суффиксом *-а*. Наряду с ними во второй половине XVIII в. сохраняют свою активность и деепричастия НВ на *-учи*. Они есть и в поэтических сочинениях М.М.Хераскова, Г.Р.Державина, где также стилистически нейтральны, о чем говорит возможность их образования от глаголов высокой семантики (*взирать, зарождать, побеждать, возглашать, блистать* и др.). Использование этих форм давало возможность сохранить ритмическое строение строки и стихотворный размер, ср.:

*На расщепленные взираючи поля,
Подумай, сколь щедря для тварей всех земля* (Херасков, 7-408),

*но: И предки славные, на сей взирая знак,
Гнушаются тобой и отвращают зрак* (там же, 4-135);
В серебряной своей порфире

*Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала* (Державин, I-106),

*но: Пошла и под оливой стала,
Блестая легкою броней* (там же, I-513).

Одной из причин длительного сохранения форм на -учи было образование деепричастий от глагольных основ, оканчивающихся на твердые согласные, чередующиеся с мягкими в формах на -а, например:

*...его собственные люди, скачучи из Петербурга,
отбили ноги и занемогли* (Державин, VI-455); *Ты во всех тех
[письмах] пишешь ко мне побывать и я так, ждучи тебя, и
писем тебе не писал* (там же, V-292); *Плывучи к берегу среди
радости и восторга спасения, Павел, – так звали спасшего
нас сопутника, – рассказал нам следующее* (Радищев, с.48).

От глаголов НВ продолжают использоваться и деепричастия на -в: *бив, имев, зная, писав, ожидав* и под. Однако для второй половины столетия уже не всегда можно говорить о семантико-грамматической мотивированности таких форм, хотя отголоски былых отношений в той или иной степени проявляются и в конце века. Так, сохраняется определенная связь между использованием деепричастий на -в и наличием в контексте временных ограничителей (которые чаще входят в состав деепричастного оборота, но могут стоять и вне его), что придает действию оттенок завершенности, ср.:

*...а в субботу, долго ожидав, был принят, казалось,
довольно ласково* (Державин, VI-673); ***15-го июля, читав** дело
Якобия, по наступлении 7-го часа,.. вышел из кабинета в свою
комнату* (там же, VI-609); *Мы упоминали о сем Литовском
беглеце..., который, служив несколько лет Василию, ушел к*

Сигизмунду (Карамзин, VII- 44); *Новгородцы, 17 лет не имев святителя, с радостью встретили наконец знаменитаго Макария* (там же, с.117).

Вместе с тем в подобных случаях чаще действуют причины фонетического характера: деепричастия на -в, как и формы на -учи, образуются от глаголов, имеющих чередования в основах инфинитива и настоящего времени: *писать, искать, ждать, вязать, ехать, скакать* и некоторых других. В современном русском языке для большинства из таких глаголов образование деепричастий признается затруднительным или даже невозможным, хотя в XVII-XVIII вв. формы типа *пиша* были вполне допустимыми. По-видимому, такие деепричастия, как *писав, искав, ждав, бив* и др. были вызваны к жизни стремлением разрешить возникающие в языке противоречия:

Державин, писав просто на крестьянский вкус, чрезвычайно им тем угодил (Державин, VI-414); *...прожил он в Петербурге еще несколько, искав занять валовую сумму до 18 тысяч рублей* (там же, VI-537); *...вступили в разговор, в который иногда с великою скромностью вмешивалась и красавица, вязав чулок* (там же, VI-524); *Долго ждав, чтобы Карл вспомнил о России, Великий Князь решил сам отправить гонца с приветствием* (Карамзин, VII-88).

Во всех рассмотренных случаях мы наблюдаем, как используется богатый арсенал грамматических средств из истории русского деепричастия. Нередко от одного и того же глагола употребляются деепричастия с разными суффиксами, что, по-видимому, свидетельствует о все еще сохраняющейся свободе выбора из различных форм.

Вообще в конце XVIII в., несмотря на все более отчетливые тенденции к стабилизации форм деепричастий, присутствуют достаточно неожиданные для этого времени образования, которые встречаются, прежде всего, в поэзии. Условия поэтической речи, требующие соблюдения ритма и рифмы, отличающиеся большой образностью, использованием многих средств художественной

выразительности, способствовали употреблению целого ряда таких архаических деепричастных форм, которые не встречаются в прозе, ср., у Г.Р.Державина: *чув, наклоннись, преломнись, прижмься, лия, вийся* и др.:

Конь под ней, как вихрь, крутился,

Чув Девицу-ездека (Державин, Соч., с.137);

Богатая Сибирь, наклоннись над столами,

Разсыпала по ним и золото и серебро (Державин, I-282);

Копье и меч из твердой стали,

О чешую преломнись, пали... (Державин, Соч., с.215).

Вместе с тем и в прозе встречается значительное количество форм, образование которых не укладывается в рамки видового противопоставления глаголов.

Таким образом, характеризуя основные направления развития деепричастных форм в русском литературном языке XVIII в., можно отметить следующее.

1. Близок к завершению процесс закрепления того или иного суффикса за глаголами определенного вида, приближающий языковую ситуацию конца XVIII в. к современной норме.

2. При образовании деепричастий продолжают существовать многочисленные синонимичные формы. Большинство из них не имеет стилистических и семантических отличий, однако сохранению синонимии способствует ряд факторов, важнейшим из которых был фонетический.

3. В процессе формальной стабилизации оказываются противопоставленными деепричастия, образованные от возвратных и невозвратных глаголов.

4. Образование и использование деепричастий в поэтическом языке и прозе имеет ряд особенностей, отражающих специфику этих разновидностей литературного языка.

5. Можно говорить о наличии индивидуально-авторских особенностей в употреблении тех или иных деепричастных форм.

4.3. Особенности образования деепричастий от глагольных основ на согласный

На протяжении всего XVIII в. наблюдается вариативность при образовании деепричастий от подобных глаголов, правда, состав синонимичных форм меняется ко второй половине столетия, по-разному реализуются и возможности их образования в зависимости от характера производящей основы.

От основ на *-т-*, *-д-* синонимия представлена максимальным количеством возможных форм: это деепричастия с нулевым суффиксом (*привед, пад, почет*), суффиксами *-ши* (*забрeдши, сeдши, приобрeтши*), *-в* (*съев, сев*), *-вши* (*покравши*), *-а* (*переведа, прочтя, цветя*), *-учи* (*крадучи*). Синонимы выступают как в прозе, так и в поэтической речи, не проявляя при этом заметной стилистической окраски, ср.:

Славяне обладав ими и иное звание переведши, сами ленчане именовались (Татищев, с.237) и: *...город Оденпоо, которой русские, переведа, Медвежья Голова именовали* (там же, с.162); *И хотя я и не посмотрела, что на ево кресте вырезано, не важным еще почет это дело, да только малое сумнение имев...* (Сумароков, 5-9) и: *Тот запер ворота и не пустил через крепость, а сей, почтя за обиду, вошел в письменные команде представления* (Болотов, I-84);

*И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь*
(Державин, Соч., с.274);

*Воссевши на скамье муравчатой, дернистой,
Богиня воздух черплет чистой* (там же, с.111);
*Во храме восседа Петровом,
Что в честь ему ты мнишь вознесть,
Велим хор муз к себе привести* (там же, с.264).

С середины XVIII в. происходит нарастание числа форм на *-а*, ставших нормативными для большинства глаголов этого типа. Исключение составляют глаголы *есть*, *сесть*, *красть*, *пасть* и их производные, для которых закрепляются деепричастия с суффиксом *-в*, отмеченные уже с первой половины столетия:

Бог не на то хлеб нам дал, чтоб нам ево яко червию съев, да в тлю претворить (Посошков, л.109), но: *Но надобно, хлеб ядши, делать прибытак богу и царю своему и своей братье и себе...* (там же, л.109).

Для глаголов с основой на *-с-*, *-з-* можно отметить более строгую ситуацию: преобладание форм на *-ши* (*внесши*, *произнесши*, *довезши*) в первой половине периода и постепенное увеличение количества форм на *-а* (*везя*, *превознеся*, *принеся*, *приползя*), начиная с середины века:

...купя иногда корету или стол, до двора не довезши, принужден починить (Татищев, с.397); *Ризу богоматере с пением вынесши на берег, в воду погрузили в тихое время* (Ломоносов, VI-219); *Во время хлебания сего где ни возьмись превеликий уж и приползя к ребяташкам, сунул голову свою через край в горшок* (Болотов, I-222); *...он принесши доклад Сената к Императрице, ничего другого ей не стал объяснять* (Державин, VI-629); *Донеся о всем случившемся начальникам сего города, предлагал Державин последния свои мысли...* (Державин, VI-481-482).

Бесприставочные глаголы НВ образовывали также более редкие формы на *-учи* (*везучи*, *несучи*).

Еще более однотипным было образование деепричастий от глагольных основ на *-к-* и *-г-*: для них зафиксировано значительное преобладание форм с суффиксом *-ши* (*нарекши*, *привлекши*, *возмогиши*, *зажегиши*):

Греки, не возмогиши взять силою, огонь вместо оружия употребили (Ломоносов, VI-243); *...я, легши спать, до полуночи не спал, а все думал* (Болотов, I-55); *Не могиши далее идти к своей коляске, остался на месте* (Державин, VI-430).

Лишь для бесприставочных глаголов НВ отмечены единичные образования типа *влекучи, текучи* и даже – *теча*:

*Из гор в долины льешь ключи
И прохлаждаешь тем от зноя;
Журчат для сладкого покоя,
Между горами текучи (Ломоносов, Избр., с.195);
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите (там же, с.70).*

Среди однокоренных образований достаточно отчетливо противопоставлены производящий глагол НВ *идти* и его префиксальные производные СВ. Для глагола *идти* на протяжении всего столетия предпочтительной оказывается форма деепричастия, образованная от основы *ид-* с помощью суффикса *-учи*, тогда как форма на *-а* представлена единичными случаями, ср.:

*Сии мнят, что жидаы, идуци чрез горячия места,
множество слонов с собою завели (Татищев, с.38); ...идуци из
Орды, преставился на дороге (Ломоносов, VI-309);*

Теперь нам новой плач, несчастным, настает.

Рыдайте, идуци царице ваше вслед (Ломоносов, Избр., с.451)

и: *Он скиптр склонил среди валов,*

Упал пред младым ниц героем,

Что молвил, войск идя пред строем:

«Сколь много есть впереди светов?» (там же, с.73);

*Исчислили же знатнейшия реки, идя с Востока по Югу
к Западу (Третьяковский, III-493).*

Наряду с названными продолжали использоваться и деепричастия от основы *шед-*, ср.:

*Державин, шедши к Государыне.., зашел к ея фавориту
(Державин, VI-611); Шедши от хижин по отлогому скату,
начали мы спускаться с горы (Карамзин, ПРП, с.200);*

Когда за облака он думой возносился,

Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился
(Хемницер: Рус. басня, с.172).

Как показывают контекстуальные условия употребления, все возможные образования не имели ни семантических, ни стилистических отличий.

Для префиксальных производных от глагола *идти* сохраняется преобладание деепричастий от основы *-шед-* с нулевым суффиксом по сравнению с суффиксом *-ши*, хотя их соотношение изменилось в сторону увеличения доли последних. Если для старорусского языка оно выглядело как 12:1, то в XVIII в. – как 5:1. Любопытно, что формы на *-ши* чаще встретились в следующих случаях: *пришедши, нашедши, вышедши*, но только: *вшед, прошед, дошед, ушед, исшед* и др. Во второй половине столетия (в сочинениях Г.Р.Державина) отмечены пока еще редкие случаи деепричастий на *-я* (*зайдя, найдя, подойдя*), которые были равнозначными с другими существующими образованиями, ср.:

На другой или на третий день поутру, зайдя посетить их и нашед случай с одной невестой говорить, открылся ей в своем намерении (Державин, VI-654); ...взял неверный по поставщике залог, найдя что сказанные 250 душ арестованы будто прежде были (там же, VI-597).

4.4. Синтаксическое функционирование деепричастий в языке XVIII в.

В области синтаксического функционирования деепричастий изменения в XVIII в. были особенно ощутимыми. Прежде всего, следует отметить практически повсеместный и заметный отказ от использования рассматриваемых образований в качестве независимого или самостоятельного сказуемого, хотя некоторые следы ранних отношений еще можно изредка наблюдать. К ним можно отнести следующие случаи:

• употребление деепричастных форм в главном предложении при отсутствии в нем спрягаемых форм глагола:

В 9-й день сентября поутру поднявся неприятель со всем своим войском из обозу своего из под Белина и шед к тому месту, где бригадир... стоял (ПБП, 8-126);

• несовпадение субъектов основного и второстепенного действия:

...не редко случалось, что, уставиши днем от ходьбы, а вечером от стояния, смерть спать хочется (Болотов, I-170);

• соединение личной формы глагола и деепричастия сочинительными союзами:

И тако на всякой месяц всякого своего сына посещал бы и подкрепля их, чтоб памятовали то, чему его на исповеди учил (Посошков, л.29); Я мучаюсь и день и ночь и рвуся и стена (Сумароков, I-14);

• разрыв деепричастного оборота и включение в него подлежащего:

Сие точные слова я напомина, сим возражаю (Татищев, с.149); ...а сей он язык услышав, и сам для чести не захочет другим говорить (Третьяковский, III-572).

Подобные случаи чаще встречались в первой половине столетия, а также в поэтической речи, что позволяет говорить о них, как об отживающем явлении, употреблявшемся для поддержания стихотворного ритма.

В целом для XVIII в. было свойственно использование как одиночных деепричастий, так и деепричастных оборотов, передающих разные значения и близких по своему употреблению к нормам современного языка. Так, можно выделить следующие обстоятельственные значения:

– времени:

Ибо она бегучи мимо меня следующее кричала громко (Третьяковский, III-697); ...вскоре после того, идучи мимо плотины, увидел я нескольких ребятишек на плотине (Болотов, I-223); Приведши его в суд, отворил двери и сказал прочим своим сочленам (Державин, VI-547);

– причины:

И жена моя, убоявсь увечья и такова великаго безчестья, по чужим дворам больши дву недель скиталась (Посошков, л.35 об.); ...а, повеленнаго не исполня, болезнь умножили (Татищев, с.116); Мужики, увидя его ярость и убоявшись смерти, вмиг разбежались (Державин, VI-429);

– образа действия:

...когда малый, узкий, и мелкий наш поток, наполнился посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную и глубокую реку (Тредиаковский, I-260); Я ради того ходил нагнувшись, что искал тогда ключа к церкви (Сумароков, 5-17); ...третья, отскочив от нас, попала в чернильницу и, проливши чернила, замарала стол и наши бумаги (Болотов, I-183-184);

– условия:

Тако у них обычай был, что, не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали (Посошков, л. 30); Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою (Ломоносов, VI-170); А влюбився, сказал ли бы я тебе, ежели бы я на перелом тебе ийти хотел (Сумароков, 5-206);

– уступительное:

Равно же вижу геодезистов, которые, нарочно для того лет по 10 учая, не умеют по астрономии долготы сыскать (Татищев, с.107-108); ...так я того, который много пишучи мало пишет добраго, почитаю за онаго Херилла (Тредиаковский, I-110); Имеv кредитивы от покойнаго генерала Бибикова, не употребил их во зло (Державин, VI-514);

– цели:

...снабдил Общество Ученое четвертою Эпопиею, хотев его просветить и усладить токмо своего Ученика (Тредиаковский, II-XVII).

Продолжается процесс семантического словобразования на базе деепричастия. Закрепляются старые и появляются

новые наречия, союзы, связанные своим происхождением с деепричастиями:

А егда голоден и холоден и ходит скорчась, то он какой воин, что служба воеет (Посошков, л.43 об.); *Вить мы не лунатики, чтобы ходя спали* (Сумароков, 5-213); *...всего скорее можно испортить часы, ежели заводить их едучи: пружина того момента может лопнуть* (Болотов, I-122);

И щитать бы не десять лет спустя, но приняв казну да приходные и расходные книги (Посошков, л.76 об.).

Таким образом, и с морфологической, и с синтаксической точек зрения деепричастия к концу рассматриваемого периода в значительной мере стабилизировались. И хотя еще продолжали сохраняться возможности образования синонимичных форм, различия между ними стали минимальными. Наибольшее разнообразие форм нашло отражение в поэзии, что было связано с ее стилистическими особенностями, а также со спецификой стихотворного ритма, а иногда и с требованиями рифмы. Обращают на себя внимание индивидуально-авторские предпочтения при выборе тех или иных образований. Однако можно говорить о том, что в целом к концу XVIII в. была подготовлена основа для формирования норм современного русского литературного языка в области образования и употребления деепричастий.

5. Деепричастия в современном русском литературном языке

5.1 Деепричастные формы в русском литературном языке XIX века

Функционирование деепричастий в русском литературном языке XIX в. было в значительной степени близким к современному состоянию, однако они еще сохраняли многообразие форм. Одни из них можно назвать затухающими, так как происходило не только уменьшение их количества, но и постепенная стилистическая маркировка (формы на *-учи*). Другие, напротив, получали возможность все более широкого использования (формы на *-вши*).

В сфере деепричастий СВ в XIX в. можно выделить следующие синонимические отношения: синонимия форм с суффиксами *-а/-в(-вши)*, с одной стороны, и *-в/-вши* – с другой.

В XVIII в. для деепричастий, образованных от глаголов СВ, наиболее активными были аффиксы *-а* и *-в*, причем первый преобладал в глаголах II спряжения как возвратных (*возвратясь, распустясь, соединясь* и др.), так и невозвратных (*приступя, обратя, утвердя* и др.). К концу XVIII - началу XIX вв. в этой группе образований происходит заметное перемещение суффикса *-а* в сферу возвратных глаголов.

Уже в грамматиках русского языка, созданных в XIX в., делались попытки ограничить употребление деепричастий на *-а* от глаголов СВ. Н.Греч, например, писал: «Еще должно сказать, что в глаголах предложных деепричастия производятся от прошедшего, а не от будущего совершенного времени, т.е. должно говорить и особенно писать: *посадив*, а не *посады*; *вынесши*, а не *вынеся*; *бросив*, а не *брося*; *устремив*, а не *устремя*» [Греч 1827, 45]. Он называл подобные формы «противными правилам языка», допуская их

только в стихах для избежания стечения согласных, а также в возвратных глаголах. А.Х.Востоков отмечал, что глаголы «совершенные» не имеют настоящего времени, поэтому у них нет и деепричастий настоящего времени, но «в употребление вошло давать деепричастиям прошедшего времени... окончания на *-я, -а*, вместо *-в, -ши*» [Востоков 1838, 119]. Ограниченность в использовании подобных форм наблюдал и Ф.И.Буслаев: «Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия настоящего времени *-я* (и *-а*) в глаголах совершенного и однократного вида, вместо окончания прошедшего времени» [Буслаев 1959, 107]. Г.Павский характеризовал формы типа *увидя* как «странность», которая встречается и в книгах, и в разговорах [Павский 1850, 138-139].

Для языковой ситуации начала XIX в. А.Б.Шапиро замечает: «Наблюдения над употреблением деепричастий в это время не дают четких признаков для противопоставления «сильных» членов этой системы «слабым». Употребление деепричастий на *-а(-я)*, с одной стороны, и на *-в (-вши)*, с другой, в первой половине XIX в. не регулировалось ничем, кроме чисто фонетических факторов...» [Шапиро 1964, 179-180]. Вместе с тем отмечается, что выбор той или иной формы часто зависел от индивидуально-авторских предпочтений.

Указанные отношения наблюдаются и во «Всеобщей истории о мореходстве» (ИМ) – произведении историко-публицистического характера, переведенном с французского языка тремя разными авторами, причем перевод и публикация книги продолжались на протяжении первой четверти XIX в. – с 1801 по 1826 гг. Происходившие изменения особенно заметны при сравнении трех первых частей памятника (1801-1811 гг.) с тремя последними (1823-1826 гг.). Если в первых частях формы на *-а* составляли около двух третей всех случаев употребления деепричастий от глаголов СВ II спряжения (только – *посадя, выстуя, стесня, предположа, упустя* и мн.др.), то к концу периода они становятся единичными. Что касается возвратных глаголов, то здесь,

напротив, происходит сокращение синонимических пар за счет форм на *-вши(сь)*.

Интересно, что похожее состояние для деепричастий СВ отмечается и в языке А.С.Пушкина. Деепричастия СВ представлены в подавляющем большинстве случаев формами на *-в* и *-а (-я)*. При этом формы на *-а* образуются практически только от глаголов II спряжения. Из 289 невозвратных глаголов СВ у 65 отмечены деепричастия на *-а (-я)*, у 34 – синонимы на *-а/-в*, т.е. примерно одна треть всех глаголов сохраняла возможность образовывать формы на *-а*.

У возвратных глаголов СВ II спряжения картина совершенно иная. Из 137 глаголов 105 имеют деепричастия на *-а(сь)* и 27 – синонимичные формы на *-а(сь)/-вши(сь)*, т.е. почти все глаголы способны иметь образования этого типа. Лишь несколько глаголов СВ, относившихся к I спряжению, также имели подобные образования: *воспользуясь, посмеясь, понадеясь* и др.

Таким образом, можно говорить о том, что формы на *-а (-я)* постепенно перемещаются в сферу возвратных глаголов II спряжения СВ.

Синонимичные формы такого типа равноправны в семантико-стилистическом отношении, о чем говорят контекстуальные условия их употребления (первая цифра указывает том ИМ, вторая – страницу):

...истребив более 60000 Турков, сдался неверным (ИМ, 3-94) и: *...истребя некоторую часть жителей, разрушил его...* (ИМ, 3-282); *Тогда решившись отмстить Венецианам..., он не убоился преступить данных ему повелений* (ИМ, 7-134) и: *...он стремительно напал на ужасного Голландца, решась победить или погибнуть* (ИМ, 7-82) и др.

Ср. также примеры из А.С.Пушкина (сокращения даны по Словарю языка Пушкина):

Марья Ивановна, ... бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы (КД 371.32) и: *Брося взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они*

заклучали не только замечания о погоде и хозяйственные счёты (ИГ 133.10);

Во второй половине столетия отношения между рассматриваемыми образованиями продолжали развиваться. Не отличаясь друг от друга по функциям, разные формы имели те или иные преимущества. Если деепричастия на *-а* (*-я*) «могли привлекать своей краткостью», то формы на *-в* (*-вши*) «могли образовываться от глагольных основ всех типов, тогда как образования на *-а* (*-я*) были в этом отношении ограничены» [Шапиро 1964, 181-182].

Большое количество случаев использования деепричастных форм на *-а* в русском литературном языке XIX в. приводит В.И.Чернышев, отмечая: «Форм этих очень много у писателей и их нужно считать принадлежащими общему употреблению, хотя и не преобладающими в нем, так как в литературном языке, особенно теперь, правильные формы все-таки встречаются гораздо чаще» [Чернышев 1915, 335].

Таким образом, формы СВ на *-в* и *-а* (*-я*) в XIX в. не были противопоставлены друг другу, не отличались стилистически, что нашло отражение в свободном включении тех и других в сочинения многих авторов, а также в использовании синонимичных форм, образованных от одной и той же глагольной основы. Вместе с тем нужно отметить различное отношение писателей к формам на *-а* (*-я*): одни используют их довольно широко (М.Ю.Лермонтов, С.Т.Аксаков, Ф.И.Тютчев и др.), другие ограничиваются лишь отдельными формами, которые часто имеют параллельные образования с суффиксом *-в/-вши* (Н.В.Гоголь, В.Даль, И.С.Тургенев, Н.Г.Гарин-Михайловский и др.), третьи вообще их не употребляют (В.Г.Белинский, Н.Добролюбов, К.М.Станюкович, Д.Н.Мамин-Сибиряк, А.П.Чехов и др.).

Между тем на протяжении всего XIX в. деепричастия СВ с суффиксом *-а* (*-я*) сохраняли достаточную активность среди возвратных глаголов II спряжения. В этом можно усмотреть некую попытку продолжить развитие формального

противопоставления невозвратных и возвратных глаголов, причем I и II спряжения также оказываются противопоставленными друг другу. Неравномерность изменений возвратных и невозвратных форм наблюдается практически на протяжении всего XIX в. от А.С.Пушкина до А.П.Чехова.

Помимо рассмотренной, в русском литературном языке XIX в. существовала также синонимия деепричастных форм на *-в* и *-вши*.

Формы с суффиксом *-вши*, образованные от невозвратных глаголов СВ и НВ, получили заметное распространение среди деепричастий в начале XIX в., что вызвало неоднозначную реакцию на их использование со стороны авторов грамматических трудов. Так, А.Х.Востоков считал их вполне приемлемыми, указывая, что деепричастие прошедшего времени на *-в* может иметь «прибавку слога *-ши*»: *знав-знавши*. У возвратных глаголов *-ши* «вставляется непременно» [Востоков 1838, 122]. Н.Греч называл формы на *-в* «усеченными», а на *-вши* – «полными», отмечая, что по значению они «совершенно равны», но имеют различие в употреблении: «...*полное* окончание употребляется преимущественно в изустном разговоре, в просторечии, а *усеченное* более в письме, в слоге возвышенном» [Греч 1827, 369]. Г.Павский был более категоричен: «окончание» *-вши*, *-ши* «не приятно для слуха; и потому мы избегаем его, где можно»: вместо *знавши*, *коловши* – *знав*, *колов*, но в возвратных глаголах – *одевши*, а не *одев* [Павский 1850, 134-135].

Однако языковая практика не укладывалась в рамки ограничений, вводимых авторами грамматик. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют материалы «Всеобщей истории о мореходстве». В ней деепричастия с формантом *-вши* чаще образованы от глаголов СВ (*узнавши*, *переплывши*, *ускользнувши*, *соскочивши* и др.), но возможны и от глаголов НВ (*плывши*, *искавши*, *имевши*, *стоявши* и др.),

причем во всех случаях очевидно отсутствие маркированности таких образований:

Покоривши всех почти Афинских союзников, почитал он себя в силах овладеть Афинами (1-150); Два из них затопивши, погнался за двумя другими бежавшими в Ликую (2-3); Отдавши нужные приказания.., поехал он из Тира 2 дня Августа (3-193); Потом пошел он в Лион к Папе, где переговоривши с ним, и получив его благословение, спустился вниз по Роне (5-192).

В сочинениях А.С.Пушкина среди деепричастий СВ также имеют место формы с суффиксом *-вши* (*вонзивши, заснувши*) и синонимы типа *-в/-вши* (*забыв-забывши*), представленные в основном в образованиях от глаголов I спряжения. С одной стороны, они употребляются как одно из средств стилизации под народное творчество и в качестве таковых вводятся в произведения соответствующей жанрово-стилистической ориентации: поэма «Руслан и Людмила», сказки, «Песни западных славян», некоторые стихотворения:

*Так точно заяц торопливо,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса (РЛ II 57);
Вот море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь... (Б 113).*

С другой стороны, можно отметить нейтрализацию стилистической окрашенности подобных форм в процессе соединения их в одном контексте с высокой славянизированной лексикой:

*Поднявши к небесам
Молящий ясный взор и чистую десницу,
От мерзостных палат спешит она в темницу... (А II,
115);
Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды (П I 456).*

И, наконец, они становятся приметой непринужденного разговорно-бытового употребления:

Я вставши ото сна иду туда в халате и туфлях (Пс 951.2).

Синонимия типа *-в/-вши* получила широкое распространение в русском литературном языке в XIX в. А.Б.Шапиро указывает на отсутствие различий функционального характера между теми и другими формами, считая, что «более жизнеспособными, по-видимому, оказались деепричастия «облегченной» формы (*увидев*, а не *увидевши*)» [Шапиро 1964, 182]. По наблюдениям ученого, многие авторы первой половины XIX в. отдают заметное предпочтение формам на *-в*. Их преобладание обнаружено у Загоскина, Марлинского, в прозе Пушкина и Лермонтова, у Лажечникова, раннего Григоровича, Гончарова, С.Аксакова, раннего Достоевского и др. Гораздо меньше авторов, предпочитавших деепричастия на *-вши*: Гоголь, ранний Герцен и некоторые другие. Тем не менее, и во второй половине столетия колебания этого типа все еще продолжают. Параллельное употребление обеих форм отмечены у Л.Н.Толстого, Н.Добролюбова, Ф.М.Достоевского и др. Особенно много деепричастий на *-вши* у М.Е.Салтыкова-Щедрина, что позволяет говорить о возможности индивидуально-авторского отношения к подобным формам.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся на рубеже XIX-XX вв., В.И.Чернышев писал: «Мы почти не чувствуем различия между формами деепричастий прошедшего времени на *-в* и *-вши*: *прочитав-прочитавши, узнав-узнавши* и т.п.» [Чернышев 1915, 333], – и далее о сфере употребления этих форм: «Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой. Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык» [там же, 334]. Д.Н.Кудрявский даже высказал предположение о закреплении

в дальнейшем именно формы на *-вши*: «В настоящее время с формой на *-в* мы соединяем представление большей книжности, литературности, а форма на *-(в)ши* считается более народной и разговорной. Это обстоятельство указывает вероятно на то, что живую формой следует считать форму на *-(в)ши*, которая, быть может, и станет впоследствии единственной формой деепричастия прошедшего времени» [Кудрявский 1916, 14].

Деепричастия с суффиксом *-вши* использовались разными авторами как в художественных произведениях, так и в научных и публицистических сочинениях, а также в письмах. Рассматриваемые формы могли чередоваться с деепричастиями другого типа, в том числе и в пределах одного контекста, а также иметь синонимы с другими суффиксами, не отличаясь при этом от них ни стилистически, ни семантически, например:

...мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном (Лермонтов); Она повела нас в горницу к дедушке, который лежал на постели, закрывши глаза (Аксаков); ...что же касается до переведенного на французский язык романа, то – повторяю, не выправивши его окончательно, нечего и представлять его на суд издателям в Париже (Тургенев); Не ставши наравне с своим веком, он был несравненно выше своего общества (Белинский.); Сказавши по фразе с каждой стороны, мы замолчали, попробовали еще говорить, опять замолчали (Толстой); Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперек Татарского пролива (Чехов); Освободивши требования новых эстетиков... от логических противоречий..., мы получим такую формулу (В.Соловьев); Сказавши, что эти глаголы средние, возвратные и страдательные, мы их определим весьма неточно... (Потебня) и многие другие.

Возможность включения форм на *-вши* в поэтические строки иногда наряду с высокой лексикой также говорит об их нейтральном характере, например:

*И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал (Лермонтов);
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой (Фет).*

Необходимо обратить внимание на то, что деепричастия с суффиксом *-вши* и у А.С.Пушкина, и у М.Ю.Лермонтова чаще употребляются в поэзии, чем в прозе. Здесь они свободно чередуются с образованиями других типов, причем это часто происходит в рамках одного контекста, что может расцениваться как использование указанных форм в качестве ритмообразующих средств благодаря наличию лишнего слога по сравнению с формами на *-в*. Эта возможность могла быть реализована только при том условии, что деепричастия на *-вши* не имели отличий от других форм и не обладали заметной стилистической окраской.

На протяжении всего XIX в. происходили изменения и в функционировании деепричастий НВ с суффиксом *-учи* (*-ючи*). Н.Греч, называя такие формы «полными» в отличие от «усеченных» на *-а* (*-я*), так же, как и в отношении деепричастий на *-вши*, обращал внимание на сферу употребления «полных» форм, которые были чаще представлены в разговорной речи, в просторечии [Греч 1827, 369]. А.Х.Востоков также считал, что такие деепричастия «принадлежат особенно просторечию» [Востоков 1838, 119]. В середине века Ф.И.Буслаев также обращает внимание на ограниченное разговорной разновидностью литературного языка употребление подобных деепричастий: «Окончание деепричастия *-чи* весьма употребительно как в древнерусском языке, так и в областном просторечии. В образованном же языке ... оно заметно вышло из употребления, удержавшись только в разговорной речи» [Буслаев 1959, 107].

Во «Всеобщей истории о мореходстве» такие формы представлены небольшим количеством случаев, как правило, произведенных от глаголов, испытывавших определенные трудности в образовании деепричастий. Среди них есть и

деепричастия, которые относились к числу относительно широко принятых форм: *живучи*, *идучи*, *смеючись*. Учитывая вышесказанное, говорить о стилистической окрашенности этих форм достаточно сложно, ср., например:

Все привлекало их к мореплаванию: живучи на берегах морских приобыкли они к сей стихии (1-19); Цезарь идучи в намерении разбить подчинимых сопернику Генералов, показался пред сим городом (2-19); ...но едучи против них, претерпел на пути такую бурю, которая лишила его многих судов (2-123).

В сочинениях А.С.Пушкина, напротив, деепричастия на *-учи* (*-ючи*) функционируют как примета народной речи и произведений фольклора:

Ждет-пождет с утра до ночи,

Смотрит в поле, инда очи

Разболелись глядючи

С белой зори до ночи (МЦ 7);

Здравствуй, Екимовна, – сказал к.Лыков: – каково поживаешь? – По добру, по здорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидajúчи (АП 20.26).

Однако и у А.С.Пушкина можно встретить примеры снятия маркированности названных форм, ср.:

...Могилы склизкие, которы также тут

Зеваючи жильцов к себе на утро ждут (С3 264.14) и:

...И всех вас гроб, зевая, ждет (С2 285.10).

В.И.Чернышев, характеризуя функционировавшие в XIX в. деепричастные формы, отмечал: «Не привились к книжному языку народные деепричастия на *учи*, *ючи*, хотя у образцовых писателей, особенно у поэтов, и находим их иногда» [Чернышев 1915, 339]. Случаи использования указанных образований можно разделить несколько групп, для которых характерны некоторые общие особенности.

Во-первых, следует отметить свободное, лишенное стилистической окраски использование деепричастий на *-учи* писателями второй половины XIX в., такими как

Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, М.Е.Салтыков-Щедрин, А.П.Чехов, Ф.Сологуб и др.

Во-вторых, названные формы употреблялись в поэтической речи, причем в контекстах разной стилистической окрашенности.

В-третьих, отдельную группу составляют формы на *-учи* от глаголов *идти* и *ехать*, которые особенно долго сохраняли указанные образования, что, скорее всего, определялось разными причинами. Для первого глагола ее сохранение могло быть связано с семантической дифференциацией форм, образованных от основ настоящего и прошедшего времени. Такое противопоставление имело давнюю традицию. К тому же форма *идя* в течение долгого времени многими авторами XIX в. считалась неприемлемой, а В.И.Чернышев относил ее к числу «редких». Что касается глагола *ехать*, то у него просто отсутствовало деепричастие на *-а*, таким образом, форма с суффиксом *-учи* была единственно возможной формой, при образовании которой не возникало противоречия между основой и суффиксом.

И, наконец, целый ряд примеров представляет собой употребление склонных к онаречиванию одиночных деепричастий на *-учи*, например: ‘жить *приневаючи*’, ‘идти *крадучись*’, ‘делать *умеючи*’ и под., вошедших в состав устойчивых выражений.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в русском литературном языке XIX в., вопреки предписаниям грамматических руководств, формы на *-учи* были достаточно распространены, что отчасти могло быть вызвано тем обстоятельством, что для их образования практически не было фонетических ограничений. Мнение о том, что их употребление заметно сокращается уже в первой половине века, а «во второй половине и особенно к концу века они сохраняются только в стилизованной речи как единичные образования» [Шапиро 1964, 180], представляется опережающим языковую практику рассматриваемого

периода, тем более что очень активными подобные формы не были и на протяжении всей истории русского деепричастия.

Суффикс *-учи (-ючи)* иногда выступает как средство, способствующее образованию деепричастия от ряда глаголов, испытывавших при этом известные трудности. Вообще затруднения при образовании деепричастных форм с течением времени становятся более заметными. Это находит отражение не только в существовании форм, в которых видовая принадлежность производящей основы вступает в противоречие с суффиксом, принимающим участие в их образовании, но и в наличии одноосновных синонимов. На сложности, возникающие при использовании деепричастий, обращали внимание не только ученые-лингвисты, но и литераторы, ср.:

*Почему можно сказать: говоря речь, делая вещь, а неловко сказать **вия** шнурок, **пия** или **пья** воду, **тяня** веревку?* (Белинский). К.Н.Батюшков в одном из своих писем Н.И.Гнедичу выделяет деепричастие, образование которого вызвало у него вопрос: «...усердие мое, **пишучи**, или **писав** их (как лучше?) достойно не только похвал, но и подражания».

Можно привести целый ряд примеров, когда нежелательные или невозможные, с точки зрения грамматических руководств, деепричастия появлялись у разных авторов на протяжении всего столетия. При этом поэтический язык оказывается наиболее терпимым к образованиям такого рода, например, *ляя*, *виясь*, *бьясь* и др. в произведениях А.С. Пушкина.

Появление среди деепричастий от глаголов НВ форм с суффиксами *-в*, *-вши* помимо причин фонетического характера могло вызываться и семантическими требованиями. Так, подобные образования передавали значение завершенности второстепенного действия и, как и в предшествующие периоды, иногда могли сопровождаться временными ограничителями, например:

Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул (Пушкин КД 382.21); Да рифмы искать, не читав стихов, все то же, что лечить заочно, не выдав больного (Батюшков); Он, получивши на имя мое деньги и зная, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне (Гоголь); ...как я был изумлен, когда три года у мастера живши, ни разу к этому станку доступу не получил (Успенский); Это одна из тех голов, которые не в состоянии переварить самого простого понятия и глотают не жевавши (Белинский).

5.2. Деепричастия в русском литературном языке XX-XXI вв.

Отношения синонимии (или варьирования) форм продолжают развиваться и на современном этапе развития русского литературного языка. Об этом свидетельствует и неоднозначная оценка синонимичных образований в разных грамматических руководствах, даже относящихся к одному и тому же периоду времени. Так, формы деепричастий на *-а*, образованные от глаголов СВ II спряжения, в Грамматике русского языка [1953] расцениваются как устаревшие и малопродуктивные. Лишь для небольшой группы глаголов I спряжения с основой на согласный более предпочтительными признаются деепричастия на *-а(-я)*, чем на *-ши*: *обретя, отвезя, пронеся, прочтя* и др. Более употребительными считаются также формы на *-а* от некоторых возвратных глаголов: *нахмурясь, обидясь, прислонясь*.

Однако в Русской грамматике указывается, что «обычно эти формы на *-а* употребляются как варианты наравне с формами на *-в, -вши(сь), -ши*» и образуются «от многих глаголов II спр. и некоторых глаголов I спр. с основой на согласный» [Русская грамматика 1980, 1-674]. Между тем это мнение не совпадает с позицией авторов двух нормативных словарей современного русского языка – Грамматического

словаря русского языка [Зализняк 1980] и Орфоэпического словаря русского языка [1983]. В первом образовании деепричастий на *-а* от глаголов СВ ограничивается I спряжением, а другие глаголы остаются за пределами синонимии *-а/-в* и имеют в качестве нормативных только формы на *-в* (*заметив, наклонив* и под.). Сходная ситуация представлена во втором словаре: деепричастия на *-а* называются «нестандартными» и возможными только для глаголов СВ I спряжения на *-сти, -зти* (*приведа, отвеза* и под.), при этом варианты формы с суффиксом *-ии* для указанных глаголов не приводятся. Что касается деепричастий на *-а*, образованных от глаголов II спряжения, то они характеризуются как стилистически не нейтральные и употребляющиеся преимущественно в художественной речи.

В то же время общая тенденция развития синонимии типа *увидя-увидев* заключается в постепенном сокращении синонимичных форм, по сравнению с XIX – началом XX вв. «Равновесие» форм, о котором писал В.И.Чернышев, не сохранилось: формы на *-в* заняли устойчивое положение в современном русском литературном языке, они не воспринимаются как книжные, хотя и формы на *-а* не спешат полностью сдавать своих позиций. Они особенно активны у возвратных глаголов II спряжения, а также у ряда невозвратных глаголов, таких как *увидеть, завидеть, услышать* и некоторых других, например:

Мы мало виделись.., встречались лишь вечером, перед сном, и, встретясь, неизменно ругались (Ильина); *Она ощутила, что лицо у нее запачкано в липкой крови, и сидела, ссутулясь, смирясь...* (Гроссман); *Иван Петрович, разгорячась, захлебнулся тем же, что упирало его в спину и при ночных раздумьях* (Распутин); *Николай писал ровными-ровными строчками и каждую строчку, отступя от края, аккуратно одну под одной начинал с большой буквы* (Солженицын) и др.

Отсутствие стилистической маркированности названных форм приводит к тому, что они могут свободно варьироваться в пределах одного контекста.

Иначе складывалась судьба деепричастных форм с суффиксом *-вши*, которые практически единодушно расцениваются авторами грамматических трудов как стилистически маркированные и употребляющиеся для придания контексту разговорно-просторечной окраски. Правда, в этом случае несколько выделяется позиция А.А.Зализняка, который в своем Грамматическом словаре указывает не на дифференциацию возможных образований, а, скорее, на их равноправное положение: «Деепричастия на *-вши* имеют параллельную форму на *-в*» [Зализняк 1980, 85].

Действительно, деепричастия с суффиксом *-вши* использовались многими авторами на протяжении всего XX в., причем говорить об их стилистическом характере не всегда возможно. Такие формы встречаются в научных трудах, в художественной прозе, в поэтических текстах, например:

Гоголь пошел дальше Пушкина в приближении языка литературы к языку народа.., отразивши на нем и свои личные особенности своего воспитания и образования (Е.Будде, 1908); *Миклошич, указавши на то.., прибавляет...* (Д.Кудрявский, 1912); *Сообразивши, что идти к обедне уже поздно, он даже обрадовался* (Бунин); *Расчищаются дали, как бы открывши вид через всю жизнь на много лет вперед* (Пастернак); *Родимцев, зябко поднявши прикрытые шинелью плечи, ...внимательно, в упор смотрел на музыканта* (Гроссман).

Следует, впрочем, обратить внимание и на то, что у отдельных писателей может проявляться большая склонность к употреблению указанных форм, например, их немало у В.Гроссмана, В.Астафьева, В.Распутина и некоторых других.

Обращает на себя внимание большое количество деепричастий с суффиксом *-вши*, использованных в поэтической речи, особенно в поэзии первой половины XX в.:

*Каретный кузов быстро промелькнул,
 Блеснувши глянцем стекол мерзлых (Бунин);
 Так в небе, внезапно прорезавши тьму,
 Мелькает золотая комета (Гумилев);
 В час зари на небосклоне,
Скрывши лик покровом белым
 Он стоит в литой короне
 Гребнем грозно-онемелым (Белый);
 В безумьи заломивши руки,
 Он бьется в безысходной муке (Волошин);
 Когда умру, не станет он грустить,
 Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» (Ахматова).*

Об отсутствии признаков «разговорности» или, напротив, «архаичности» у рассматриваемых форм вполне отчетливо говорит их контекстуальное окружение. Приведенные примеры дают основание говорить о равноправности в стилистическом отношении форм на *-вши* с формами на *-в* и об их использовании в стихотворных строках с целью создания или поддержания определенного стихотворного ритма и размера.

Наряду со случаями стилистически нейтрального употребления рассматриваемых образований, следует обратить внимание и на возможности придания контексту с помощью форм на *-вши*, наряду с другими образованиями, стилистической окраски, например, особой интонации разговорной речи простого человека, не искушенного правилами литературного употребления. Такой представляется функция подобных образований в рассказах А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор».

Кроме того, формы на *-вши* могут придать контексту ироническое звучание, которое часто присутствует при их использовании в фельетонах, например:

Ибо – вы только подумайте, а, подумавши, ужаснитесь, до чего же распоясались эти хвалители:

«великий русский поэт Мандельштам» (кошмар!) (С.Рассадин).

Деепричастия с суффиксом *-вши* иногда образуются не только от глаголов совершенного, но и несовершенного вида при отсутствии соответствующего деепричастия на *-а*, например:

*И в горячечном бреду подумать тогда не могла,
бившись как птица в клетке, ... что придет время по Мадриду
каблучками цокать* (Плисецкая);

Так спасают автогонщиков.

Врач случайная,

не ждавши «скорой помощи»,

с силой в легкие вдувает кислород

– рот в рот! (А.Вознесенский).

Дополнительным фактором, поддерживающим появление форм с суффиксами *-в* или *-вши* от глаголов НВ, может быть наличие отрицания, на что указывают Грамматический словарь русского языка [Зализняк 1980], Русская грамматика [1980] и др., например:

*Никогда в жизни еще не работав над музыкой
Прокофьева, я полюбила его как человека* (Вишневская).

Крайне редким можно назвать употребление в современном русском литературном языке деепричастий с суффиксом *-учи* (*-ючи*). Они, как правило, являются стилистически маркированными, однако эта окраска существенно менялась на протяжении XX в., о чем свидетельствуют материалы разных грамматик. Так, в Грамматике русского языка указывается: «...образования на *-учи(-ючи)* воспринимаются как архаические, или как употребленные в целях стилизации под народную или старинную речь» [Грамматика русского языка 1953, 1-525]. Между тем в Русской грамматике отмечается, что они возможны лишь от глаголов, имеющих разговорную или просторечную окраску, а в художественной и публицистической речи они «имеют стилистически сниженный характер» [Русская грамматика 1980, 1-672].

Формы на *-учи (-ючи)* отличает тенденция к адвербиализации, которая находит отражение в склонности таких образований к одиночному употреблению (без зависимых слов), к формированию устойчивых оборотов, а также синтаксически – в отсутствии обособления подобных форм, например:

Не следует считать, что участники преступной группы кейфуючи собирали с автоматов дань и сибаритствовали (Известия, 1987); Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого (Шукшин).

Стилистически немаркированное употребление характерно для формы на *-учи* от глаголов *идти* и *ехать*. Кроме того, она может выступать в индивидуально-авторском использовании для создания определенного настроения, стилистической окраски контекста:

Вспомните: голод, война, горе – пели! Идучи на покос, в поле на работу – пели... (Литер.газ., 1988).

Таким образом, характеризуя состояние деепричастных форм в русском литературном языке XIX-XX вв., представляется возможным сделать следующие выводы.

Существовавшая в начале XIX в. синонимия деепричастных форм активно развивалась на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом каждая из имевшихся возможностей продолжала искать пути своего сохранения. Это было и придание деепричастиям стилистической окрашенности, и попытка преодолеть фонетические препятствия на пути образования отдельных форм, и тенденция к противопоставлению возвратных и невозвратных глаголов.

В процессе функционирования грамматических синонимов наблюдается и разная степень их активности в поэтической и прозаической речи. Нередко синонимичные образования дольше удерживаются в поэзии, используя как средство создания стихотворного ритма.

В некоторых случаях, когда возможности сохранения формы в рамках категории деепричастия были исчерпаны, происходило семантическое словообразование на ее основе или закрепление формы в составе устойчивого фразеологизированного оборота (*жить умеючи, работать играючи* и под.).

Таким образом, формирование и развитие категории деепричастия в русском литературном языке представляет собой длительный процесс, в котором сыграли роль разные факторы.

Основные направления становления деепричастия были связаны прежде всего с выработкой типового грамматического значения, закреплением определенных синтаксических функций и стабилизацией формальных показателей. Изменения в каждом из названных аспектов происходили неодновременно и с разной степенью интенсивности. Уже на самых ранних этапах функционирования рассматриваемых форм довольно отчетливо проявляет себя специфика их грамматического значения – указание на действие, второстепенное по отношению к основному, выраженному личной формой глагола, во-первых, и, как правило, сопровождающие это действие разные обстоятельственные характеристики, во-вторых. С этим связаны и формирующиеся синтаксические функции – предикативная (второстепенное сказуемое), предикативно-обстоятельная и обстоятельная, также нашедшие отражение в древнейших памятниках русского языка.

Значение действия – сначала, вероятно, и основного, и второстепенного – способствовало тому, что отдельные формы древнего причастия стали возможны в предикативном употреблении. Это были, прежде всего, формы именительного падежа разных чисел, поскольку именно они были непосредственно связаны с существительным –

названием субъекта действия, выступавшим в качестве подлежащего. Однако на ранних этапах достаточно сильно выраженной предикативностью обладали и некоторые синтаксические конструкции, в состав которых входили формы косвенных падежей древнего причастия. Речь идет об обороте дательный самостоятельный и конструкциях со вторым винительным падежом, занимавших значительное место в древнерусском синтаксисе. Преобладание в них кратких форм причастия также находилось в русле общей тенденции к противопоставлению именных и местоименных образований, что нашло отражение не только в истории древнего причастия, но и имени прилагательного. Все более обособляясь, формы именительного падежа выступали в предикативной функции и могли быть не только второстепенным, но и единственным сказуемым в предложении, и обозначать, таким образом, не только добавочное, но и основное действие. Однако в этом случае они вступали в синонимические отношения с личными формами глагола, что привело к сокращению предикативной сферы причастных форм до значения второстепенного, добавочного действия, находившегося в разных временных соотношениях с основным. Поскольку причастия обладали категорией времени, то разные временные формы оказались способными указывать на предшествование второстепенного действия основному или на сопутствование ему. По-видимому, к более поздним следует относить редкие случаи, когда формирующееся деепричастие могло называть действие, следующее за основным. Однако выражение разных временных планов зависело не только от формы деепричастия, но и от лексического значения глагольной лексемы.

На одном из этапов формирования деепричастия, передавая разное соотношение действий во времени, приобретали при этом и обстоятельственные значения – времени, причины, условия и др.

Несколько позднее происходило формальное становление деепричастия, не до конца завершенное и в современном русском языке.

Сокращения и источники

Авв. – Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. (Подготовка текста и комм. Н.К.Гудзия и др.). – М.: Academia, 1934. – 497 с.

Ал.-Нев.лет. – Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т.29. – М.: Наука, 1965.

Болотов – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. – Т.1 // Памятники литературного и общественного быта. – М.-Л., 1931.

Державин – Державин Г.Р. Сочинения / Г.Р.Державин / С объяснит.примеч. Я.Грота. – Т.VI. – СПб., 1871.; Т. I –

Державин, Соч. – Державин Г.Р. Сочинения. – М.: Правда, 1985.

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII-XIII вв. – М.: Наука, 1971. – С. 71-135.

Иное сказ. – Так называемое Иное Сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. – СПб., 1909. – С.1-144.

ИМ – Всеобщая история о мореходстве (пер.с фр.яз.) в 7 т. – 1801-1926.

Карамзин – Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах / Н.М.Карамзин – Т.VII. – М.: Наука, 1995.

Карамзин ПРП – Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Н.М.Карамзин – М.: Сов. Россия, 1983.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т.1. – М.-Л.: АН СССР, 1962.

Ломоносов – Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т.VI. – М.-Л., 1952.

Ломоносов, Избр. – Ломоносов М.В. Избранные произведения / М.В.Ломоносов – Л., 1986.

МЛС – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. – Т.25. – М.-Л., АН СССР, 1949.

ПБП – Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т.Х. – М., 1956; Т.ХII – М., 1975.

ПЛ – Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР, II. Документы по истории XV-XVII вв. – М., 1955. – С. 23-144.

Пов. ПФ – Повесть о Петре и Февронии. / Подготовка текстов и исследование Р.П.Дмитриевой. – Л.: Наука, Ленинград.отд-е, 1979.

Посошков – Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И.Т.Посошков – М., 1951.

Пут.р.п. – Путешествия русских послов XVI-XVII вв. (Статейные списки). – М.-Л., 1954.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 16 т. / А.С.Пушкин – Л.: АН СССР, 1937-1949.

Радищев – Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А.Н.Радищев – М.: Сов. Россия, 1981. – 256 с.

Русская басня – М.: Правда, 1986.

Сказ. Авр.Пал. – Сказание Авраамия Палицына // Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. – СПб, 1909. – С.473-524.

Словарь языка А.С.Пушкина. В 4-х т. – М.: ГИС, 1956-1961.

Солженицын – Солженицын А.И. Рассказы / А.И.Солженицын – М.: Современник, 1990. – 302 с.

Сумароков – Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действ. статского советника Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при императорском Московском университете: В 12 т. / А.П. Сумароков. – 2-е изд. – М.: В унив. тип. у Н. Новикова. – Т. 1. – 1796; Т. 3 – 1797; Т. 5 – Б.г.; Т. 10 – 1802.

Татищев – Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979.

Тредиаковский – Сочинения Тредьяковского: В 3 т. // Полное собрание сочинений русских авторов – СПб: Изд-е Ал.Смирдина, 1849.

Херасков – Творения Михаила Хераскова, вновь исправленные и дополненные: В 12 т. / М.М. Херасков. – М.: В

университетской типографии. – Т. 4. – 1798; Т. 7. – Б.г.; Т. 10. – 1802; Т. 12. – 1803.

Литература

Агафонова 1981 – Агафонова Т.И. Глагольные формы в сочинении Г.К.Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666-1667 гг.): дис. ... канд.филол.наук / Т.И. Агафонова. – М., 1981. – 216 с.

Бенке 1987 – Бенке В.В. Именные причастия действительного залога в древнерусском языке старшего периода: Функциональный и семантико-стилистический аспекты: дис. ... канд.филол.наук / В.В.Бенке. – Л., 1987. – 190 с.

Богородицкий 1935 – Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб. – М.; Л.: Гос.соц.-эконом.изд-во, 1935. – 356 с.

Браве 1940 – Браве Л.Я. К вопросу о значении деепричастий совершенного вида / Л.Я.Браве // Рус.яз. в школе. – 1940. – № 6. – С.26-32.

Буслаев 1959 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

Валимова 1940 – Валимова Г.В. Деепричастные конструкции в современном русском языке / Г.В.Валимова // Учен.зап. Ростов н/Д гос.пед.ин-та. – 1940. – Вып. II. – С.25-32.

Васева-Кадынкowa 1961 – Васева-Кадынкowa И. Деепричастия совершенного вида с перфектным значением / И.Васева-Кадынкowa // Рус.яз. в школе. – 1961. – № 6. – С.20-24.

Виноградов 1978 – Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка // История русского литературного языка: избр. тр. / В.В.Виноградов. – М., 1978. – С.152-177.

Виноградов 1972 – Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В.Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш.школа, 1972. – 614 с.

Востоков 1838 – Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова (По начертанию его же сокращенной грамматики полное изложение) / А.Х.Востоков. – 3-е изд. – СПб.: Тип. Имп. Рос. Академии, 1838. – 417 с.

Гвоздев 1958 – Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.1. Фонетика и морфология /А.Н.Гвоздев. –

М.: Учпедгиз, 1958. – 406 с.

Георгиева 1968 – Георгиева В.Л. История синтаксических явлений русского языка / В.Л.Георгиева. – М.: Просвещение, 1968. – 168 с.

Георгиева 1962 – Георгиева В.Л. Причастное сказуемое в истории русского языка (по памятникам XII-XV вв.) / В.Л.Георгиева // Вопросы современного и исторического синтаксиса русского языка: учен.зап. ЛГПИ им.Герцена. – 1962. – Т.225. – С.153-169.

Голубева 1952 – Голубева Е.Л. Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Е.Л.Голубева. – М., 1952. – 16 с.

Грамматика русского языка 1953 – Грамматика русского языка. – Т. 1-2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Греч 1827 – Греч Н.И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т.1 / Н.И.Греч. – СПб, 1827. – 387 с.

Дмитриева 1963 – Дмитриева Л.К. Действительные причастия, деепричастия и отпричастные формы (по материалам Псковских летописей и современных псковских говоров): автореф. дис. ... канд.филол.наук / Л.К. Дмитриева. – Л., 1963. – 18 с.

Дмитриева 1975 – Дмитриева Л.К. Проблема второстепенного сказуемого / Л.К. Дмитриева // XXVII Герценовские чтения. Филол.науки. Лингвистика. – Л., 1975. – С. 46-49.

Дурново 1924 – Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка / Н.Н.Дурново. – М., Л.: Гос.изд., 1924. – 376 с.

Зализняк 1980 – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А.А.Зализняк. – 2-е изд. – М.: Рус.яз., 1980. – 880 с.

Запольская 1985 – Запольская Н.Н. Функционирование причастий в русском литературном языке конца XVII –XVIII вв.: дис. ... канд.филол.наук / Н.Н.Запольская. – М., 1985. – 206 с.

Зевакова 1954 – Зевакова Л.Н. Именное причастие действительного залога по памятникам русской письменности XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Л.Н.Зевакова. – Л., 1954. – 16 с.

Иванов 1983 – Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В.Иванов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.

Историческая грамматика 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р.И.Аванесова, В.В.Иванова. – М.: Наука, 1982. – 436 с.

Истрина 1923 – Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи / Е.С.Истрина // Изв.ОРЯС, 1919. – Т. XXIV, кн. 2. – Пг., 1923. – С.1-172.

Колесов 2005 – Колесов В.В. История русского языка: учеб.пособие / В.В.Колесов. – СПб.: Изд-во филол.фак-та СПб.ун-та; М.: Изд.центр «Академия», 2005. – 672 с.

Коротаева 1959 – Коротаева Э.И. Особые случаи употребления деепричастий в литературном языке XVII-XIX столетий \ Э.И.Коротаева // Учен.зап. ЛГУ. Серия филол.наук. – № 277, вып.55 (Исследования по грамматике, II). – 1959. – С.60-99.

Котков 1974 – Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. / С.И.Котков – М.: Наука, 1974. – 359 с.

Кудрявский 1916 – Кудрявский Д.Н. К истории русских деепричастий. Вып.1. Деепричастия прошедшего времени / Д.Н.Кудрявский // Учен.зап. Юрьев.ун-та. – 1916. – № 10. – С. 1-79.

Кузьмина, Немченко 1980 – Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. К истории кратких форм действительных причастий в русском языке / И.Б. Кузьмина, Е.В.Немченко // Общеславянский лингвистический атлас.1978. – М., 1980. – С.151-200.

Кунавин 1993 – Кунавин Б.В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: дис. ... докт.филол.наук / Б.В.Кунавин. – СПб., 1993. – 706 с.

Лавровский 1852 – Лавровский П.А. О языке северных русских летописей / П.А.Лавровский. – СПб., 1852. – 160 с.

Лекарева 1996 – Лекарева И.Н. Особенности предикативного употребления действительных причастий в языке русской письменности XVI-XVII вв., переведенных с польского языка: дис. ... канд.филол.наук / И.Н.Лекарева. – Краснодар, 1996. – 183 с.

Ломоносов 1982 – Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В.Ломоносов. – Факс. изд. – М., 1982. – 213 с.

Ломтев 1956 – Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т.П.Ломтев. – М.: Изд-во Москов.ун-та, 1956. – 596 с.

Ломтев 1961 – Ломтев Т.П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология) /

Т.П.Ломтев. – М.: Высш.школа, 1961. – 324 с.

Лопатина 1978 – Лопатина Л.Е. Второстепенное сказуемое / Л.Е.Лопатина // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. – М., 1978. – С.102-118.

Марков 2001 – Марков В.М. Из наблюдений над языком Пантелеймонова евангелия (XII век) // Избранные работы по русскому языку / В.М.Марков. – Казань, 2001. – С.31-56.

Милославский 1981 – Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка / И.Г.Милославский. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.

Никифоров 1952 – Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половин XVI века / С.Д.Никифоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.

Обнорский 1912 – Обнорский С.П. О языке Ефремовской Кормчей XII в. / С.П.Обнорский // Исследования по русскому языку. – Т. III. – Вып. 1. – СПб., 1912. – 85 с.

Обнорский 1953 – Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола / С.П.Обнорский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 252 с.

Овсяннико-Куликовский 1912 – Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб., 1912. – 312 с.

Орфоэпический словарь 1985 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н.Борунова, В.Л.Воронцова, Н.А.Еськова; Под ред. Р.И.Аванесова. – 2-е изд. – М.: Рус.яз., 1985. – 704 с.

Основы 1966 – Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966. – 206 с.

Павский 1850 – Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. О глаголе / Г.Павский. – 2-е изд. – СПб., 1850. – 271 с.

Пешковский 2001 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М.Пешковский. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

Попова 1974 – Попова З.Д. Именные действительные причастия в русском литературном синтаксисе XVII века / З.Д.Попова // Вопросы филологии: сб.трудов. – М., 1974. – С.160-168.

Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А.Потебня. – Т. I-II. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.

Припадчев 1978 – Припадчев А.А. Деепричастия в южновеликорусской письменности XVII века: дис. ... канд.филол.наук / А.А.Припадчев. – Воронеж, 1978. – 209 с.

Руднев 1955 – Руднев А.Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков). / А.Г.Руднев // Учен.зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1955. – Т.III. – С.107-109.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. – Т. I-II. – М.: Наука, 1980.

Соболевский 1907 – Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / А.И.Соболевский. – Изд-е 4. – М.: Университет.типография, 1907. – 340 с.

Соколова 1957 – Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI века / М.А.Соколова. – Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1957. – 191 с.

Солюянова 1989 – Солюянова Е.Г. Язык русских исторических сочинений конца XVII - начала XVIII вв.: дис. ... канд.филол.наук / Е.Г.Солюянова. – М., 1989. – 265 с.

Спринчак 1965 – Спринчак Я.А. К вопросу о происхождении деепричастных конструкций в восточнославянских языках / Я.А.Спринчак // Міжвузівська наукова конф. з проблем синтаксису української мови: тези. – Черновці, 1965. – С.108-110.

Стеценко 1978 – Стеценко А.Н. История именных действительных причастий и образование деепричастий в русском языке / А.Н.Стеценко // Проблемы стилистики и лексики русского языка. – М., 1978. – С.3-11.

Черных 1953 – Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. (Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги) / П.Я.Черных. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 375 с.

Чернышев 1915 – Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Вып.2 (Части речи) / В.И.Чернышев. – Петроград, 1915. – 402 с.

Шанский, Тихонов 1981 – Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч.2. Словообразование. Морфология / Н.М. Шанский, А.Н.Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.

Шапиро 1964 – Шапиро А.Б. Изменения в глагольных формах / А.Б.Шапиро // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. – М., 1964. – С.3-185.

Шатух 1959 – Шатух М.Г. К вопросу о развитии деепричастных форм в древнерусском языке по письменным памятникам XIII-XIV столетий / М.Г.Шатух // Труды Одесского гос.ун-та. – 1959. – Т.149, вып. 9. – С.213-226. – (Серия филологических наук).

Шахматов 1903 – Шахматов А.А. Исследование о языке двинских грамот XV в. Ч.1 / А.А.Шахматов. – СПб.: Изд-е ОРЯС АН, 1903. – 140 с.

Шахматов 1941 – Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А.Шахматов. – 4 изд-е. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

Широкова 1968 – Широкова Л.А. Наблюдения над синтаксическим употреблением деепричастий в деловых документах XVII в. (на материале «Донских дел») / Л.А.Широкова // Учен.зап. Моск.гос.заочн.пед.ин-та. – М.,1968. – Вып.23. – С.204-223.

Шульга 2000 – Шульга М.В. Деепричастия на -и в свете памятников восточнославянской письменности / М.В.Шульга // Фортунатовский сборник: матер. конф., посв. 100-летию МЛШ (1897-1997 гг.). – М., 2000. – С.240-246.

Ягич 1889 – Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка / И.В.Ягич. – СПб., 1889.

Содержание

Введение.....	3
1. История формирования деепричастия в русском языке по литературным данным.....	5
2. Деепричастные формы в древнерусском языке...12	12
2.1. Именные и местоименные формы причастий в языке «Жития Феодосия Печерского».....	12
2.2. Деепричастные формы в русских летописях (XIV-XV вв.).....	22
3. Деепричастные формы в старорусском языке (XVI-XVII вв.).....	36
4. Деепричастия в русском литературном языке XVIII века.....	45
4.1. Динамика деепричастных форм в первой половине XVIII столетия.....	46
4.2. Развитие деепричастных форм во второй половине XVIII века.....	53
4.3. Особенности образования деепричастий от глагольных основ на согласный.....	58
4.4. Синтаксическое функционирование деепричастий в языке XVIII в.....	61
5. Деепричастия в современном русском литературном языке.....	65
5.1. Деепричастные формы в русском литературном языке XIX века.....	65
5.2. Деепричастия в русском литературном языке XX-XXI вв.....	77
Сокращения и источники.....	85
Литература.....	87